

Безирганова Инна – филолог, журналист. Доктор филологии. Окончила филологический факультет Тбилисского государственного университета имени Ив. Джавахишвили. Защитила диссертацию «Мир грузинской действительности и поэзии в творчестве Евгения Евтушенко». Заведующая музеем Тбилисского государственного академического русского драматического театра имени А.С. Грибоедова. Корреспондент ряда грузинских и российских изданий. Лауреат профессиональной премии театральных критиков «Хрустальное перо. Русский театр за рубежом» Союза театральных деятелей России. Член редакционной коллегии журнала «Русский клуб».

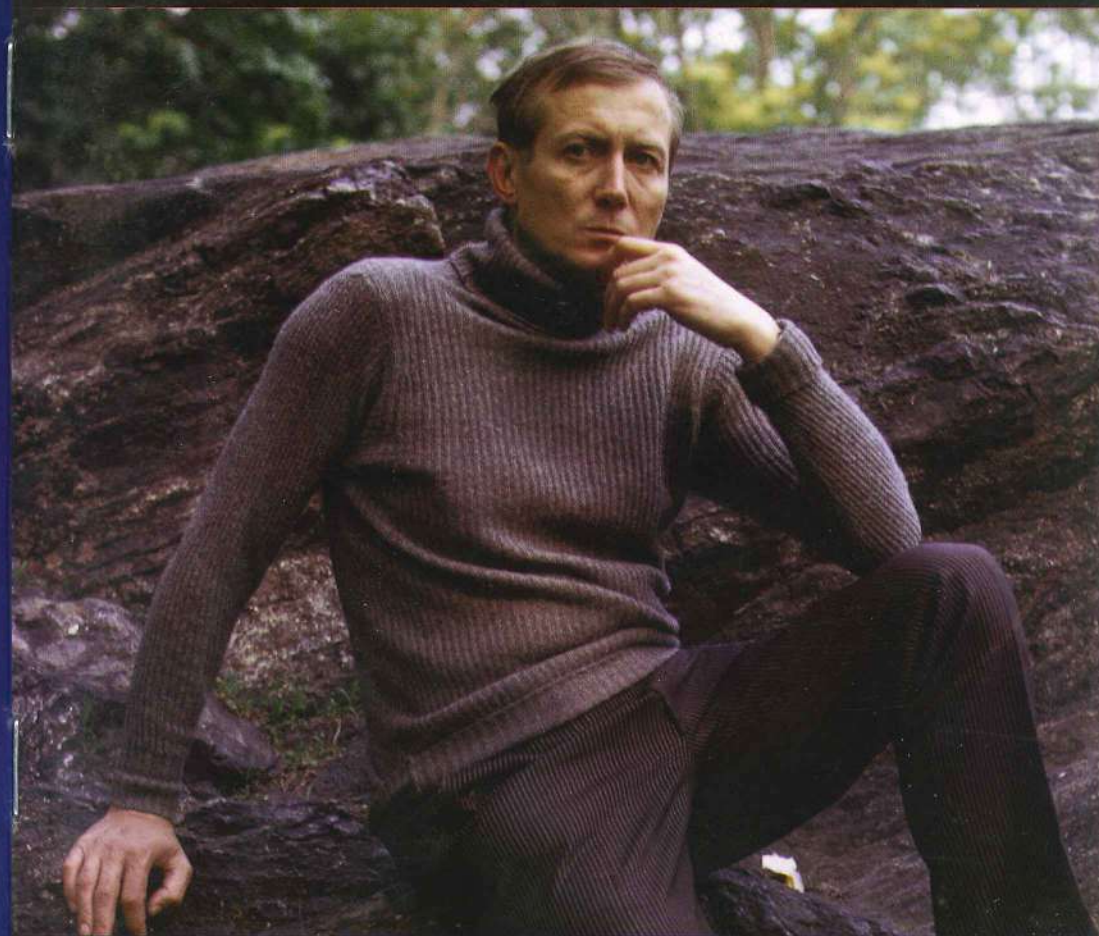
Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» (МКПС) – грузинская общественная неправительственная организация. Зарегистрирована в 2003 году. Входит в Международный союз российских соотечественников (МСРС). Президент Союза – Николай Свентицкий, директор Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова, заслуженный деятель искусств РФ, кавалер Ордена Дружбы. На сегодняшний день членами Союза являются более пяти тысяч людей из разных стран мира – как частные персоны, так и целые организации. Главная задача «Русского клуба» – всестороннее развитие и укрепление культурных связей между Грузией и Россией как двумя независимыми государствами на основе сотрудничества, дружбы и взаимопонимания. Деятельность союза охватывает самые разные сферы жизни – литературу и искусство, образование и науку, спорт и туризм. С момента основания Союз организовал и реализовал более 350 разнообразных проектов, самый масштабный из которых – ежегодный Международный русско-грузинский поэтический фестиваль (2007-2014); за семь лет участниками фестиваля были ведущие поэты Грузии и более пятисот литераторов из почти пятидесяти стран мира. Союз является издателем общественно-художественного журнала «Русский клуб», серий «Литературное приложение» к журналу, «Библиотека «Русского клуба», «Детская книга».

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»
www.russianclub.ge rusculture@mail.ru

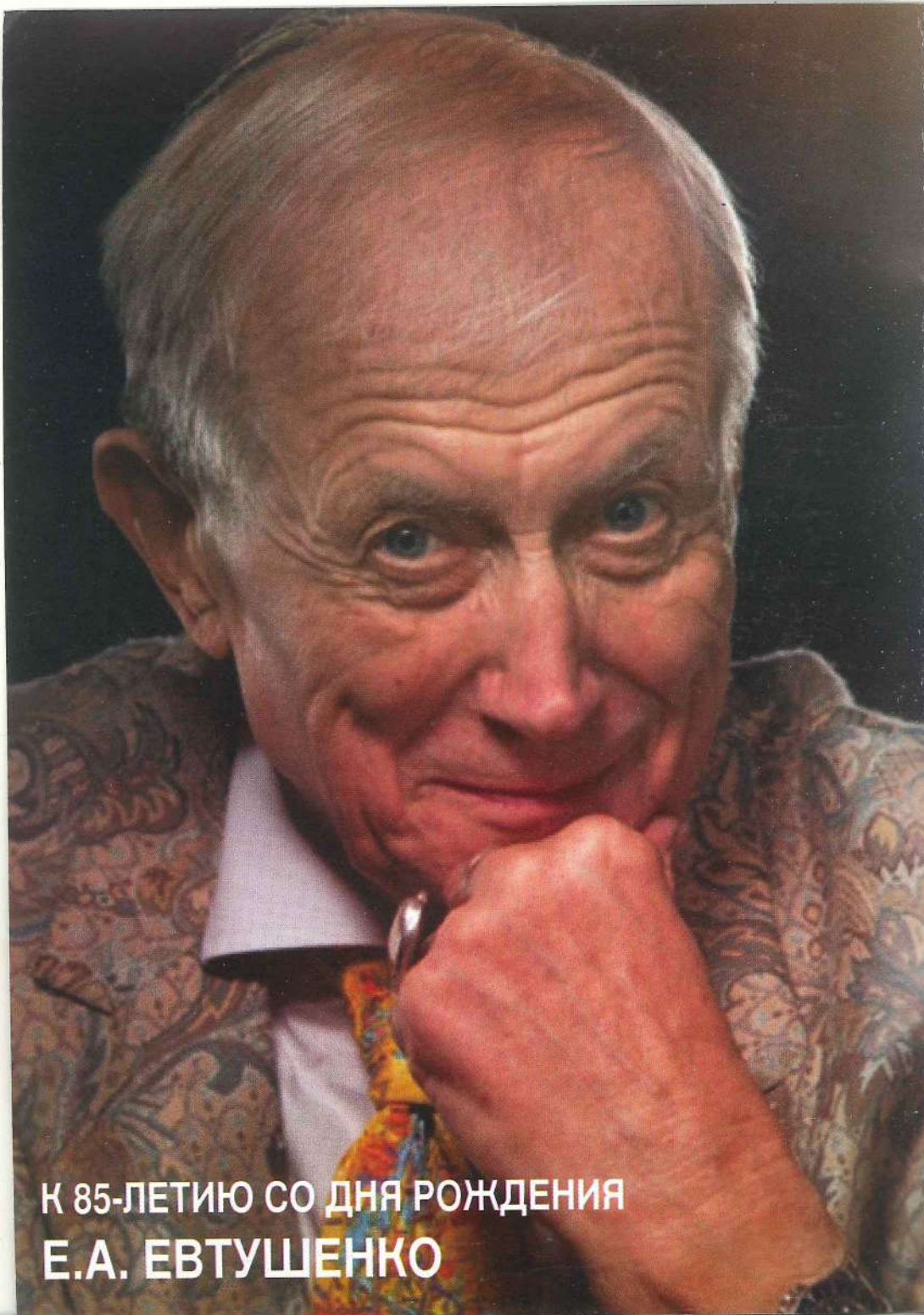
РУССКИЕ В ГРУЗИИ

ИННА БЕЗИРГАНОВА

СЛЕД ЛЮБВИ

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Е.А. ЕВТУШЕНКО

БИБЛИОТЕКА МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО
СОЮЗА «РУССКИЙ КЛУБ»

ИННА БЕЗИРГАНОВА

СЛЕД ЛЮБВИ

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

Тбилиси
2017

Русско-грузинские культурные взаимоотношения поистине являются историческим феноменом, не имеющим аналогов.

Россию и Грузию связывают 11 веков взаимного общения. Начало этих отношений восходит к X веку – в древнерусских летописях упоминаются Грузия и Тбилиси. В 1491 году были установлены дипломатические отношения. При Петре Первом на берегах речки Пресни заложена Грузинская слобода (в просторечье – «Грузины», ныне – Большая Грузинская). А с конца XVIII века, после заключения в 1783 году Георгиевского трактата, отношения между странами стали особо тесными и интенсивными.

На покровительство Грузия отвечала помощью и поддержкой – в том числе, культурной, духовной. Приют, пристанище здесь обретали многие великие русские – опальные и гонимые в России, в Грузии они всегда находили свободу, работу и почитание.

Серия «Русские в Грузии» – первый опыт систематизированного освещения богатейшей истории пребывания в Грузии выдающихся российских деятелей искусства, религии, науки, литературы, спорта, достойных благодарной памяти потомков.

Серия станет настоящей энциклопедией русско-грузинских взаимоотношений.

Проект направлен на популяризацию российского культурного наследия, возрождение интереса к России в Грузии и к Грузии в России, активизацию общественного диалога и культурного общения двух православных народов-соседей.

Издатель –

Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

При финансовой поддержке:

«Департамента внешнеэкономических и международных
связей города Москвы» и
«Правительства Москвы»

Руководитель проекта –

НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

заслуженный деятель искусств РФ,
заслуженный артист РФ

© Русский клуб. 2017

ISBN 978-9941-27-335-3

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга начиналась с научной работы, посвященной творчеству Евгения Евтушенко, – точнее, той ее части, что имела непосредственное отношение к Грузии. Друг поэта Зураб Абашидзе – ныне специальный представитель премьер-министра Грузии по вопросам взаимоотношений с Россией – помог с ним связаться, что оказалось совсем не просто: Евгений Евтушенко, бунтарь, оратор, воин от поэзии, придумавший формулу «Поэт в России – больше, чем поэт», всегда был активно вовлечен в процессы бурно текущей жизни! Но вот наконец пришел долгожданный ответ на письмо, в котором я рассказала Евгению Александровичу о своем намерении исследовать его «грузинскую» поэзию и переводы. Евтушенко написал: «Дорогая Инна! Счастлив Вашему письму. Я сейчас в Сальвадоре – самой маленькой стране Латинской Америки. Присылайте мне Ваши вопросы после 18 июня. Нежный привет

Зурабу и его семье. 18 мая 2007 года». Конечно, вопросы были тут же отправлены... Но опять я постаралась запастись терпением: ждать ответа из-за невероятной загруженности Евтушенко пришлось долго: «Дорогая Инна, простите меня! Я был зверски занят, все время в поездках. Вот сейчас собрался ответить Вам, а вопросы куда-то исчезли. Виною тому не я, а моя жизнь, которая руководит мною больше, чем я – ею. Пришлите вопросы еще раз и не сердитесь на меня. Евтушенко». Вскоре драгоценные ответы были получены – вместе с письмом: «Инне Безиргановой. В приложении ответ, но не держите под спудом. Я разрешаю вам дать для публикации это письмо и в грузинскую многотиражную газету, и для использования в Вашей работе, только полностью, без всяких сокращений и выброса имен. Можете опубликовать его и в газете грузинского землячества в Москве. Буду рад познакомиться по приезде

в Грузию с Вами и с Вашей работой. Так что я «исправился» — все-таки написал эти ответы. Счастья. Евгений Евтушенко. Привет моим любимым друзьям — Зурабу Абашидзе и Автандилу Сакварелидзе. Очень хочется их обнять. 12 декабря, кажется, у меня будет попытка прорыва к массовой аудитории в Олимпийском комплексе Москвы — 18 тыс. человек»... Письмо датировано 24 сентября 2007 года.

Увы, наша встреча не состоялась — поэт так и не осуществил свое заветное желание: вновь посетить Грузию, которую называют второй колыбелью русской поэзии. По разным причинам его возвращение — именно возвращение! — в страну, однажды и навсегда ставшую для него родной и близкой, — откладывалось и откладывалось. А 1 апреля 2017 года Евгения Евтушенко (родился поэт 18 июля 1932 года) не стало — не дожил до своего юбилея несколько месяцев... Несмотря на всю очевидность факта, в это трудно поверить. Слишком уж жизнелюбивым и вечно молодым казался Евгений Александрович. Только однажды — это было в прошлом году — сердце защемило в предчувствии: когда поэт вместе с маленькой Лизой в популярной телевизионной передаче «Синяя птица» читал стихи «Со мною вот что происходит» и не смог сдержать слез. Это было прощание. Но еще — диалог поколений, передача поэтической эстафеты молодым. Его стихи читали, читают и будут читать всегда!

МАГИЧЕСКИЕ МОСТЫ

Евгений Евтушенко впервые приехал в Грузию еще в 1952 году, будучи тогда студентом Литературного института имени М. Горького. И был потрясен первой встречей с морем. От этого впечатления родилось очень эмоциональное, чувственное стихотворение «Море», в котором двадцатилетний поэт сравнивает встречу с морем с первой любовью. Поэтому не случайно спустя несколько лет влюбленный Евтушенко приедет со своей молодой женой, поэтессой Бел-

лой Ахмадулиной не куда-нибудь, а именно в Грузию... И уже в 1955 году в Тбилиси состоится его первый творческий вечер.

Так что нет ничего удивительного в том, что грузинская тема появилась в творчестве Е. Евтушенко уже в начале его творческого пути, в 50-е годы. Ее «питательные ферменты» (по удачному определению профессора Лины Хихадзе) обогатили поэзию молодого художника слова, стимулировали развитие его таланта, поиск новых художественных решений. Тем более, что за этим поиском стоит многовековая традиция большой любви, тесного и плодотворного культурного взаимодействия двух народов, поэтического диалога.

Евгений Евтушенко, «русский до мозга костей поэт», объемлющий «своим сердцем и зрением весь мир», сопереживающий и сострадающий «всему сущему в нем, обладает способностью заглядывать в глубины другой культуры, делать ее «своей». Кровь, пролившаяся в любом уголке земли, как бы сочится из его вен, а раны далеких народов болят, как собственные раны. Этим искренним соучастием пронизан каждый стих поэта, продиктованный бедами современного мира» (Гвердцители Г. Мир Евгения Евтушенко // Евгений Евтушенко. Зеленая калитка. Тб., 1990).

«Я буду всюду. Буду всеми. Всем», — заявляет Евгений Евтушенко в поэме «Голубь в Сантьяго», стремясь охватить своей любовью Вселенную. И как тут не вспомнить известные слова Ф. Достоевского о всемирной отзывчивости русской души? В знаменитой речи о Пушкине писатель говорил: «Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только... стать братом всех людей, всечеловеком...»

Русская душа Евтушенко, следуя давней традиции, чутко «отозвалась» на грузинскую культуру. Развивая миф, родившийся в глубине веков, поэт пожелал отметить свой 70-летний юбилей именно в Тбилиси. По странному, почти мистическому совпадению, юбилей Евтушенко совпал со 110-летием Владимира Маяковского, и Евгений Александрович, приехав в Грузию, первым делом отправился в Багдати — место, где родился трубадур революционной эпохи. И был благодарен грузинскому народу за невероятный подарок — возможность совместить празднование его дня рождения с юбилеем Владимира Маяковского.

Вот как рассказывает о приезде Евтушенко в Грузию газета «Московские новости» (28 июля, 2003): «В минувшее воскресенье в Грузии прошли дни Владимира Маяковского. На родину поэта в Багдати съехались местные литераторы, гости из России, видные грузинские политики. Но, безусловно, главным гостем большого вечера, прошедшего на сцене, устроенной рядом с Домом-музеем Маяковского, был знаменитый русский поэт Евгений Евтушенко. Он прилетел в Тбилиси буквально на следующий день после своего юбилейного дня рождения, отмечавшегося в Политехническом музее.

Свой подарок российскому юбиляру Грузия сделала с присущим ей размахом. В самом престижном зале грузинской столицы прошел вечер поэта, на котором президент Грузии Эдуард Шеварднадзе вручил юбиляру одну из высших наград страны. В условиях почти полной интеллектуальной блокады со стороны России вечер Евтушенко вызвал настоящий ажиотаж. Организатору выступления, лидеру одной из фракций грузинского

парламента, а в прошлом послу Грузии в России Важе Лордкипанидзе даже пришлось на этот день отключить все свои телефоны.

Интересно, что в России один из самых знаменитых из здравствующих сегодня русских поэтов в дни своего юбилея награжден не был».

Кстати, именно в Грузии Евгений Евтушенко получил первую в своей жизни отечественную литературную премию в качестве награды за тридцать лет работы в поэзии — это произошло в 1981 году, в Западной Грузии, на традиционном празднике, посвященном Галактиону Табидзе. Евгению Александровичу была вручена премия имени этого выдающегося поэта — так грузинский народ выразил свою благодарность Евтушенко за серьезный, ощутимый вклад в развитие российско-грузинских культурных связей, в популяризацию грузинской поэзии, в диалог культур. А в дни 70-летнего юбилея высший государственный орден вручил ему человек, который организовал его первое выступление в Грузии в 1955 году. Это был Эдуард Шеварднадзе. Интересная деталь, о которой вспоминал позднее Евтушенко: Орден Чести ему прикрепил журналист Юрий Рост, а не президент страны, шутливо пожаловавшийся, что до сих пор не научился прикреплять ордена при вручении.

Мне посчастливилось быть на этом незабываемом творческом вечере — увы, уже в последний приезд поэта в Тбилиси. Правда, в те радостные и эмоционально наполненные часы никто не предполагал, что общение Евтушенко с его грузинскими друзьями и почитателями происходит в последний раз.

На творческом вечере, организованном Министерством культуры Грузии и состоявшемся в Тбилисском

театре оперы и балета имени З. Палиашвили в июле 2003 года, актриса Софико Чиаурели говорила об оставленном Евгением Евтушенко «следе любви». И в этом поэт действительно повторил творческий опыт предшественников, один из которых особенно близок манере и духу поэзии Евтушенко — Владимир Маяковский. Отсюда — творческая переключка, актуализировавшаяся в дни двойного юбилея. Маяковский пишет: «Только нога ступила в Кавказ, я вспомнил, что я — грузин». Ему вторит Евтушенко: «Если б я не родился русским, то хотел бы родиться грузином». Конечно, это поэтическая гипербола, но за ней — то самое чувство любви, о котором говорила Софико Чиаурели, напомнив строки из уже ставшего нетленной классикой стихотворения Евгения Евтушенко «Мой Тбилиси».

Знакомые всем стихи «Со мною вот что происходит» прозвучали на юбилейном вечере не только на русском, но и на грузинском языке. Эти лирические строки о трагическом одиночестве, разобщенности людей стали поводом для невеселых размышлений поэта о сложном периоде во взаимоотношениях Грузии и России. «Господи, спаси нас, чтобы политические разногласия не переросли в разобщенность близких душ в наших странах!» — сказал Евтушенко. Впрочем, в своих неоднократных выступлениях в средствах массовой информации на данную тему поэт выражает уверенность в том, что такого произойти не может. Нельзя разрушить то, что созидалось веками.

А на том памятном юбилее зрители стали свидетелями действительно настоящего союза близких душ — русского поэта и грузинской певицы Тамары Чохонелидзе, вместе исполнивших песню на потрясающие стихи

Зураб Церетели, Зураб Абашидзе и Евгений Евтушенко

Евтушенко о России, Пастернаке и его великом романе — они называются «Мелодия Лары» — и щемящую музыку Мориса Жарра из кинофильма «Доктор Живаго». Волнение исполнителей передалось залу... Очень эмоционально свою глубокую симпатию к поэту выразили его грузинские друзья-литераторы — Лаша Табукашвили, Джансуг Чарквиани, Реваз Амашукели.

Главной темой поэтической исповеди Евгения Евтушенко в тот вечер стали Грузия, деятели грузинской культуры. Он прочитал любимые многими стихи, посвященные одному из близких друзей, — художнику Ладо Гудиашвили: «Не уместаясь в жестких догмах».

«Я подружился с ним, когда он был не в фаворе. Ладо Гудиашвили покорял не только легкой, воздушной мощью своих картин, но и необыкновенной воздушностью своего божественного характера», — вспоминал поэт.

Речь зашла еще об одном знаменитом грузине, с которым Евтушенко породнился душой в молодые годы, — Чабуа Амиразджиби. Он покори

поэта своей неиссякаемой энергетикой, чувством юмора, необыкновенной духовной силой. «Он открыл мне когда-то поэта Максимилиана Волошина — еще в сталинских лагерях Чабуа Амиразджиби выучил наизусть его великие стихи о 1917 годе, где есть такие строки: «А я стою один меж них в ревушем пламени и дыме», — рассказал Евтушенко. — В стихах Волошина выражена христианская позиция — в эпоху гражданского противостояния и этнических конфликтов... Я так и не поставил свой вариант «Трех мушкетеров» — по моей версии героям надоело махать шпагами ради чьих-то бриллиантовых подвесок, и они восстали против короля. Так вот, для меня образ Чабуа — это идеальный Атос».

На вечере прозвучали стихи, посвященные Джумберу Беташвили, — близкому другу Евтушенко, погибшему в Абхазии...

Через год в интервью Евтушенко вспоминал этот удивительный вечер: «Я очень огорчен тем, как у нас развиваются отношения с Грузией. Мир не знает такого родства двух поэзий, как между российской и грузинской. Сколько у нас написано замечательных стихов о Грузии! Я был в Грузии в прошлом году. На литературную встречу собрались тысяч десять зрителей. Грузины ко мне подходили и жаловались, что их дети начинают забывать русский. Конечно, в Грузии есть и националисты. А разве в России их нет? И ничто так не подрывает национальный престиж, как агрессивная ксенофобия. Мы всю жизнь хвастались своим интернационализмом, а сейчас в России студентов бьют и даже убивают только за другой цвет кожи. Всякие выражения: «черномазый», «чернозадый» (я уж не говорю, как это звучит в полную мощь) попа-

даются просто на каждом шагу. И мне кажется, что против этого государство выступает недостаточно резко» (Кормилова В. «Наша лексика, как наша нефть, неисчерпаема». Новые известия, 6 августа 2004 года).

«Океанист» Евгений Евтушенко, ощущающий себя гражданином мира, не может иначе относиться к любым проявлениям национальной нетерпимости. И в первую очередь, — к проявлениям нетерпимости в отношениях между русским и грузинским народами. Ведь все его творчество, все его поэтические и человеческие усилия были направлены на строительство «магических мостов» между поэзиями, культурами, душами людей. Евтушенко всегда помнил о том, что история человечества — это диалог, пронизывающий нашу жизнь. И что он является главным условием взаимопонимания людей, особенно когда в обществе возникает межэтническое напряжение и тем более — межэтнические конфликты. «Мир должен был соединен!» — не раз говорил поэт.

Но диалог разноязычных культур возможен лишь в случае признания уникальности «чужой» культуры, ментальности другой этнокультурной общности, иначе именуемой Георгием Гачевым «национальным Космопсихологосом». Согласно концепции этого ученого, существует некое Целое, единое устройство бытия, то есть единая мировая цивилизация, единый исторический процесс существования человечества. Это единое интернациональное Бытие мира (космос, природа, история, культура) проявляется себя через «национальные образы мира», каждый из которых суть уникальное проявление этого бытия. Национальный образ мира понимается как своеобразное единство взаимодополняю-

щих друг друга национальной природы, склада психики и мышления.

Многообразное творчество Евгения Евтушенко, его «грузинские» стихи и переводы — это и есть способ и форма постижения национального образа Грузии. И в этом он продолжает великие традиции.

По утверждению критика, литературоведа Георгия Маргвелашвили, Евгений Евтушенко первый совершил новый ошеломляющий виток русско-грузинского поэтического сотрудничества. Именно ему принадлежат стихи, цитируемые всякий раз, когда заходит речь об отношениях двух народов:

О Грузия — нам слезы вытирая,
Ты — русской музы колыбель вторая.
О Грузии забыв неосторожно,
В России быть поэтом невозможно!

«История человечества не знала подобной взаимолюбви двух поэзий, как между грузинской и русской поэзиями», — неоднократно подчеркивает Евгений Александрович. На том самом юбилейном творческом вечере он назвал эти связи «неслыханной близостью». А во время вручения ему Ордена Чести вновь отметил, что за словом «Грузия» стоят тени великих людей и великих человеческих взаимоотношений между русскими и грузинскими поэтами. Что «Галактиона подзывая знаком, в Тбилиси Пушкин бродит с Пастернаком».

В этом с ним согласны и в Грузии. Так, дипломат Зураб Абашидзе, сын выдающегося грузинского поэта, сказал однажды, обсуждая проблемы кризиса двусторонних отношений: «Грузия в свое время являлась либеральным пристанищем, отдушиной для тех, кто не совсем удобно, комфортно себя чувствовали в сложные

годы, я имею в виду 30-40-е годы. Они туда приезжали, чувствовали поддержку, человеческое тепло. Наверное, самый яркий случай — Пастернак. Но и в последующие годы Тихонов, Симонов, Паустовский. Нет, наверное, личностей, я имею в виду известного писателя или поэта, который каким-то образом не был связан с Грузией. Такого тесного взаимопроникновения, как между грузинской и российской культурами, наверное, в истории этого пространства, где мы жили, нет. Это на самом деле уникальный феномен. Потом, в последующие годы, был Галактион Табидзе, чью поэзию переводили. Но все-таки у всех есть ощущение, что переводчики полностью не смогли передать российскому читателю то, что является грузинской поэзией. Как-то Евтушенко сам сказал, что мы, говорит, знаем, что перевести Галактиона невозможно, но мы на слово верим вам, что выше поэзии Галактиона Табидзе просто нет. Это действительно так. Это настолько своеобразная поэзия, что перевести ее полностью, на сто процентов, невозможно. Георгий Леонидзе, Григорий Абашидзе, потом уже следующее поколение, Нодар Думбадзе, Тамаз Чиладзе, Отар Чиладзе, ближайшие друзья Евгения Евтушенко, Беллы Ахмадулиной, Андрея Вознесенского. Все это создавалось в течение многих-многих десятилетий и, естественно, посредством личных и культурных связей, и грузинская культура выходила на международную арену через русский язык, что тоже имело огромное значение. Я помню, когда праздновали 800-летие Руставели, все это приобрело мировой резонанс, поскольку через российскую интеллигенцию, через российскую культуру мир узнавал о том, что такое для нас Руставели, что он значит для

всего мира... Целая плеяда грузинских и российских деятелей культуры дружила между собой. Об этом знают все, кроме разве что совсем молодых людей. Да, была такая традиция: у моего отца Ираклия Абашидзе были уникальные связи с российскими писателями! Потом, будучи послом в Москве, я с ними тоже встречался и со многими дружил. Посольство Грузии в России было своеобразным культурным центром... Настоящие дружеские отношения связывали меня с Евгением Александровичем Евтушенко».

(Радио «Свобода». www.svoboda.org/programs/rtl/2002/rtl.081402.asp-10).

О многолетнем взаимообогащающем диалоге Евтушенко с Грузией пишет Георгий Маргвелашвили, называя его своего рода поэтической кардиограммой не только сердцебиения русского поэта, но и сроднившегося с ним навсегда края и поэзии этого края. «Даже перебои в этом сердцебиении — своеобразное отражение реальности. Сам поэт, например, в таком вспомогательном контексте говорит об этом перебое-перерыве: «Впервые я побывал в Грузии еще совсем юным поэтом и тогда был обласкан ныне ушедшими от нас Галактионом Табидзе, Георгием Леонидзе, Симоном Чиковани — классиками не только поэзии, но классиками грузинского характера. Я много переводил, писал о Грузии. Потом был большой перерыв. Затем с волшебством вечного магического магнита Грузия снова притянула меня, и я долго работал над этой небольшой антологией, где мне хотелось хотя бы пунктирно показать развитие грузинской поэзии от Руставели до современных грузинских верлибров, добавив то, что еще не было переведено никогда, и

Е. Евтушенко, Б. Окуджава,
А. Вознесенский, Р. Рождественский

кое-что — как в случае с Руставели — попытавшись перевести вновь, по-своему» (С мужеством и правдою в груди:// Когда на нас глядит поэт. Тб., 1990).

«Высокий юноша с волосами цвета спелой ржи, ясными голубыми глазами — таким мне запомнился Евгений Евтушенко. Я познакомился с ним несколько лет назад, когда он впервые ступил на грузинскую землю» (Книга молодого друга. Заря Востока, 8 августа, 1959), — вспоминает поэт Амиран Абшилава в газетной рецензии на первый сборник стихов и переводов Евтушенко «Лук и лира», посвященный Грузии.

Симптоматично, что начало творческого и человеческого соприкосновения Евтушенко с Грузией совпало с рождением нового журнала — «Литературная Грузия». Он появился на волне «оттепели» (1956 г.).

Эпоха «оттепели» породила шестидесятников. Этот термин появился к середине 60-х годов, когда ярко, дерзко, по-новому заявили о себе Евтушенко, Вознесенский, Рождественский, Ахмадулина. «Шестидесятники» — название статьи С. Рассадина, по-

священной тем, кто входили в литературу в это время.

Евгений Евтушенко, безусловный лидер шестидесятников, свой идейно-нравственный кодекс называл кодексом гражданственности («Поэт в России — больше, чем поэт...») и подтверждал его стихами, которые становились значительным событием как литературной, так и общественной жизни.

Однажды он назвал шестидесятников людьми, генетически предрасположенными к страху, но начавшими его преодолевать.

«Горжусь, что я шестидесятник. Шестидесятники вернули людям любовь к поэзии. Бабушки-шестидесятницы привили свою любовь внукам — «девяностикам». Сейчас на вечерах поэзии их все больше и больше. Эти «девяностики» — будущее России, за которое мы, шестидесятники, боролись, в том числе и своими стихами», — сказал он в одном из последних интервью (Кобанова О. «Нам нужно джентльменское соревнование идей об улучшении общества». Известия. <http://www.izvestia.ru/person/article36167>).

Сегодня шестидесятников оценивают неоднозначно, часто — критически. Но мы не будем останавливаться на анализе этих оценок. Скажем лишь, что в этих взглядах, выражаемых в принципиально новую историческую эпоху, явно недооценивается масштаб такого явления, как шестидесятники, их значение в сложный период российской, советской истории. Обвиняя их в половинчатости и компромиссности, в отсутствии должного радикализма, хулители этого движения судят из дня сегодняшнего, из новой реальности, не имеющей ничего общего с эпохой, его породившей, когда в людях все еще были сильны

«социалистические» иллюзии. Время диктует и степень радикализма лучших представителей общества. Легко сегодня, вооружившись идеологией новейшей эпохи, развенчивать «половинчатых» шестидесятников. Как бы то ни было, но в период постсталинской либерализации начинается оживление во всех областях культурной жизни — в литературе, в изобразительном искусстве, складываются принципиально новые театральная и киноэстетика, громко заявляют о себе талантливые имена, появляется ряд новых периодических изданий. И это происходит во всех республиках СССР.

Спустя годы (в 2012 году), Евгений Евтушенко в своем стихотворении, посвященном Борису Гассу — журналисту и литературоведу, сотрудничавшему с журналом «Литературная Грузия», отвечает критикам шестидесятников:

Взошло шестидесятников созвездье
над угасающим СССР
И показалось будущего вестью,
Но, к сожалению, общий фон был сер.
Все радостно спешили начитаться,
Но разве изменить все вдруг могли
Булат, и Белла, и Отар Чиладзе —
звездочки над огромностью земли?
И мне сказал Маргвелашвили Гия:
«Власть слова — это будущего власть,
и поколения вырастут другие
не из кого-то — все-таки из вас!

Ответ поэта понятен: не будь нас, шестидесятников, не было бы и дальнейшего развития либеральных идей и демократизации общества. Не случилось бы грядущих, то есть нынешних радикальных перемен.

«Знаменательно, что в эпоху «оттепели» в Грузии одновременно начинают выходить два журнала — «Ци-

скари», основной задачей которого является публикация новейших произведений грузинской поэзии и прозы, и общественно-политический и литературный журнал «Литературная Грузия», призванный широко пропагандировать грузинскую литературу на русском языке, отражать вопросы литературных взаимосвязей и предлагать произведения русских авторов, живущих в Грузии, — отмечает М. Филина в своей книге «Русские писатели в Грузии» (Тб., 1983). — Необходимость в периодическом издании ощущалась давно. Она была обусловлена и многими общественно-литературными событиями середины пятидесятых годов, в частности, расширением масштабов литературных взаимосвязей и переводческого дела [...] Появление в Грузии русского журнала сразу же вызвало интерес центральной печати, а в Дни декады грузинского искусства и литературы в Москве в 1958 году редакция журнала провела обсуждение восьми номеров «Литературной Грузии», в котором приняли участие члены редколлегии обоих журналов и ряд московских критиков. В ходе обсуждения было отмечено, что факт создания журнала — значительная веха в литературной жизни республики, а материалы, уже опубликованные в нем, — несомненно, интересная заявка на будущее. Главный редактор журнала Константин Лордкипанидзе и все участники дискуссии отметили, что первостепенная задача журнала на данном этапе — расширение разделов критики и публицистики и привлечение к работе русских писателей и критиков.

Фактически журнал «Литературная Грузия» не только пропагандировал вопросы взаимосвязей, но за годы существования расширил их, выработал новые формы литератур-

ных контактов и стал одним из необходимых источников, из которых русский читатель черпает сведения о развитии грузинской культуры. В этом одна из причин, по которой ЦК компартии Грузии увеличил и объем, и тираж журнала...

Постепенно сложилась традиция приглашать на страницы журнала русских поэтов и писателей, связанных с Грузией. Именно в «Литературной Грузии» впервые были напечатаны многие произведения Н. Тихонова, Б. Пастернака, А. Межирова, А. Вознесенского, Е. Евтушенко, Б. Ахмадулиной и других».

Как вспоминает Б. Гасс, «в то смутное время проклевывалось новое поколение русской поэзии, и мы страстно желали привлечь молодых поэтов к сотрудничеству в «Литературной Грузии». Но как? Одними скромными гонорами за переводы заманить их было очень трудно. Вот мы и прибегли к «маленьким хитростям». Стали печатать рядом с переведенными стихами оригинальные произведения русских поэтов. Так налаживались связи, завязывались дружеские отношения. Русские поэты все чаще приезжали к нам, и мы получали помимо переводов еще и стихи, внушенные грузинскими впечатлениями. Такие подборки мы вскоре стали печатать и без обязательного соседства с переводами» (Люблю товарищей моих. http://bookz.ru/authors/boris-gass/lublu-to_310/1-lublu-to_310.html).

Словом, журнал «Литературная Грузия» активно включился в межкультурный диалог, принявший в период «оттепели» особый характер. Журнал стал почти единственной возможностью легальных публикаций для тех русских поэтов, творчество которых не вполне вписывалось в рамки официальной идеологии. На-

циональный образ Грузии познавался авторами, печатавшимися на страницах «Литературной Грузии», — в первую очередь, Евгением Евтушенко, путем обретения личного опыта, и во многом благодаря дружеским контактам. Диалог поэта с грузинским народом и его культурой всегда выходил за рамки официальных установок, носил неформальный, искренний характер. Именно по этой причине в поэзии и остался великий «след любви».

Интересно, что из четырех поэтов — так называемых официальных шестидесятников, к которым относятся Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина, Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский — трое были участниками активного русско-грузинского диалога культур. Итогом этого диалога стали известные сборники — «Сны о Грузии» Беллы Ахмадулиной (1977), «Иверский свет» Андрея Вознесенского (1984), в который, в частности, вошли стихотворения, отражающие грузинские реалии, и переводы; сборники Евгения Евтушенко — «Лук и лира» (1959), «Тяжелее земли» (1978) и «Зеленая калитка» (1990). Все, кроме «Лук и лира», вышли в тбилисском издательстве «Мерани».

Каждый из названных авторов пытался выстроить свои взаимоотношения с культурой Грузии, создать свой образ страны как отражение ее национального образа.

Евгений Евтушенко — как и его собраты-шестидесятники — принял эстафету поэтического русско-грузинского диалога непосредственно из рук представителей старшего поколения — Бориса Пастернака, Николая Тихонова, Николая Заболоцкого, Павла Антокольского и других. По словам Георгия Маргвелашвили, он «одним из первых открыл и заглавную страницу русской советской поэзии

Белла Ахмадулина и Евгений Евтушенко

конца 50-60-х годов, и новую страницу русско-грузинского поэтического и духовного содружества этой поры. А это тоже были органически взаимосвязанные явления, ибо они возникли в атмосфере огромных и решающих сдвигов в жизни нашего народа».

Первая публикация Евгения Евтушенко на страницах вновь созданного журнала «Литературная Грузия» (1957 год) — это перевод стихотворения Алио Мирцхулава «Лук и лира», давший название первому его грузинскому сборнику. Один из рецензентов увидел в этом глубокую аллегорию. «Охотник прислушался как-то к пению тетивы, к ее тихому, робкому,

осторожному звуку... и, «позабыв ушедшую стрелу», замер, потрясенный этим мгновением рождения красоты... Искусство способно и ласкать, и ранить. Ведь любовь и ненависть питают его вечный огонь. Одна и та же тетива может служить оружием, но может стать и струною» (Огнев. В. И лук, и лира. Дружба народов, N11, 1965).

Об этом периоде Евгения Евтушенко вспоминает Борис Гасс в своих воспоминаниях «Люблю товарищей моих». Позволю себе привести отрывок из нее:

«С Евгением Евтушенко я познакомился случайно, а подружился надолго. В сентябре 1957 г. редакция журнала «Литературная Грузия» проводила совещание молодых переводчиков. Я сидел рядом с поэтом Георгием Мазуриным, который то и дело поглядывал на часы, сетуя: «Женя Евтушенко ждет меня в гостинице, а мы все преем».

Незадолго до этого я прочитал несколько любопытных стихов Евтушенко, и сейчас мне захотелось познакомиться с ним. Вот и попросил я Гоги захватить меня к Евгению.

В номере было набросано, на столе валялись гроздья винограда и яблоки. Евтушенко лежал на застеленной кровати, жевал. Не без игривости он заявил, что полностью перешел на фрукты, даже видеть не хочет мучное. Гоги ехидно улыбнулся, мол, очередная блажь, и сказал: «Ты лучше прочитай нам новые стихи». Но Евгений закапризничал. Нет, он не станет читать стихи, пока наш новый друг Боря не снимет с галстука дурацкую заголку с изображением Юрия Долгорукого. Он ненавидит этого надменного вояку, даже написал об этом.

Я тоже не без кокетства заявил, что снимаю, если Женя немедленно про-

чет это стихотворение. Он принял условие. Стихотворение называлось «И др.». Вслед за Долгоруким Женя прочитал «Машу», оно мне очень понравилось. (А. Межиров позже утверждал, что «Маша» написана от избытка сил).

Мы спустились в ресторан, сели за столик у окна, заказали легкую закуску и вино. Я вслух пожалел, что не захватил бочонок домашнего вина, недавно подаренный мне соседом. Женя воскликнул: «Все же чудо — страна Грузия, вино дарите друг другу бочками...».

Для Евгения Евтушенко тетива, о которой пишет В. Огнев, действительно стала струною, вдохновила его на создание не одного шедевра о Грузии. В итоге была выведена знакомая всем формула: «О Грузии забыв неосторожно, в России быть поэтом невозможно».

Уже в 1965 году, то есть больше пятидесяти лет назад, Евтушенко, будучи тридцатитрехлетним молодым человеком, мог гордиться 10 тысячами переведенных строк грузинских поэтов — от Важа Пшавела до Отара Чиладзе — и 20 стихотворениями о природе, искусстве, тружениках Грузии. Только в сборнике «Тяжелее земли», вышедшем в свет в 1979 году, представлены переводы 61 автора, свыше 15 тысяч строк...

«Видимо, грузинская поэзия обладает какой-то удивительной притягательной силой и обаянием, которые, словно, магнит, влекли и влекли к ней почти всех выдающихся деятелей русской культуры. Мы гордимся, что у истоков взаимной дружбы и взаимного интереса к творчеству стояли Пушкин, Лермонтов, Грибоедов, но еще более значительно и дорого то, что взаимосвязи эти длятся, ширятся и развиваются по сей день, — отмечает в предисловии к сборнику Ев-

гения Евтушенко «Зеленая калитка», вышедшему в свет в издательстве «Мерани» в 1990 году, Гурам Гвердцители. — «Третья волна» советских поэтов еще в юности принесла Евтушенко к берегам грузинской поэзии, а теперь уже четвертая волна молодых русских поэтов накатывается по широкому руслу, проторенному предшественниками».

Не хотелось бы думать, что эта волна окажется последней.

«ГАЛАКТИОНА ПОДЗЫВАЯ ЗНАКОМ, В ТБИЛИСИ ПУШКИН БРОДИТ С ПАСТЕРНАКОМ...»

Историк, писатель, пушкинист Натан Эйдельман предлагает свое объяснение особой притягательности Кавказа для россиян: «От «Кавказского пленника» до «Хаджи-Мурата» (и после, в наши дни, но это тема особая) Кавказ, может быть, оттого так сильно притягивал многих российских людей, что помогал им отыскать, понять самих себя, заново открыть смысл, суть таких начал, как дружба, честь, свобода». И далее: «Книга («Быть может, за хребтом Кавказа». М., 1990) — И.Б.) названа знаменитой лермонтовской строкой, где звучит

Е. Евтушенко в мастерской Ладо Гудиашвили

надежда, что за «хребтом» будет другая жизнь, что «всевидящий глаз» там близорук, а «всеслышащие уши» — глуховаты».

В надежде на «другую жизнь» отправлялись «за хребет Кавказа» и поэты последующих поколений. Разумеется, эта традиция развивалась, менялась с движением времени, с изменением социально-исторических реалий и, естественно, художественного метода.

В советскую эпоху восприятие Кавказа и его неотъемлемой части — Грузии русскими поэтами тоже не осталось неизменным. Это отмечал Г. Маргвелашвили на страницах «Литературной Грузии» (N2, 1983): «Если еще три-четыре десятилетия назад в большинстве русских стихов о Грузии за малым, хоть и великим по значению исключением, преобладали интонации, настроения, видение, образность и стилистика, связанные с первым знакомством, неожиданной радостью открытия, удивлением и восторгом не без признаков любования экзотикой, то дальнейший процесс развития самой жизни и литературы, ее выражающей, привел [...] к

известному психологическому сдвигу в этом отношении. Все меньше становится, фигурально говоря, восклицательных и вопросительных знаков, все больше уверенных точек и раздумчивых многоточий. Двоеточия же стали открывать за собой тонкости и нюансы, глубины и просторы, раньше лишь единицам доступные».

Однако в главном восприятие, отношение остались прежними: именно здесь русские поэты всегда находили ту степень духовной свободы, которая способствовала развитию их творчества.

«Когда нас, поэтов-шестидесятников, уничтожали и топтали, мы всегда были привечаемы в Грузии», — говорил Евтушенко. Приведем хотя бы один такой общеизвестный факт: в пору начала гонений на Пастернака в Тбилиси вышла в свет его книга «Стихи о Грузии. Грузинские поэты. Избранные переводы» (Александр Н. Я болел за «Динамо», а Аркадьев был мой любимый тренер. Газета, 2003, 17 июля. <http://www.gzt.ru>).

За долгие годы русско-грузинского поэтического диалога сложились культурные, литературные мифы. Первый устойчивый миф, заложенный Александром Пушкиным: Кавказ, Грузия — страна Вольности. По словам Лины Хихадзе, «...Кавказ в поэтической системе Пушкина (а затем и поэтов послепушкинской поры, прежде всего, конечно, Лермонтова) воспринимается как грандиозное иносказание, как «инобытие» запретной темы — темы Вольности — Пушкин положил начало такому восприятию Кавказа» (В пространстве грузинских мотивов: // Восприятие литературы как интеракция. Тб., 2003).

Второй миф связан именно с «восклицательными знаками», о которых пишет Г. Маргвелашвили: Грузия

— Рай на земле. В XX веке он был под-
держан Владимиром Маяковским и
его поэтическими потомками:

Я знаю:
глупость — эдемы и рай
Но если
пелось про это,
должно быть,

Грузию,
радостный край,
подразумевали поэты.

Этот миф оказался также очень
устойчивым, прочно укоренившим-
ся в сознании многих поколений и
культурной традиции. Какие только
эпитеты, метафоры и сравнения не
рождались в воображении русских
писателей разных эпох! Александр
Радищев называл Кавказ «страной
волшебной». Сергей Городецкий ве-
личал Тифлис не иначе как «жемчуж-
иной жемчужин в короне вечных
городов». «Грузия меня очаровала!»
— признавался Сергей Есенин.

Поэт Симон Чиковани подчер-
кивает преемственность такого от-
ношения к Грузии: «Для Пастернака
грузинская тема впервые открылась
через любовь к Лермонтову. Его при-
влекли грузинский пейзаж, вторгнув-
шийся в лермонтовскую поэзию, и
грузинский характер, отраженный и
воспринятый в ней» (Воспоминания
о Борисе Пастернаке. Литературная
Грузия. N11, 1972).

Пастернак, «получивший» грузин-
скую культуру «из рук» Лермонтова,
в свою очередь «передал» ее шести-
десятникам, о чем говорит Андрей
Вознесенский: «Грузинскую культуру
я получил из рук Пастернака. Первым
поэтом, с которым он познакомил
меня, был Симон Иванович Чикова-
ни».

«Для советских людей... Гру-

зия была мечтой о солнце и теплом,
ласковом море, туристским раем,
пронизанным серпантином дорог,
бегущих над отвесными обрывами и
гремящими реками, — пишет Вячес-
лав Игрунов. — Но это была и страна
«Путешествия в Арзрум», страна, ко-
торой грезил Лермонтов и где оставил
свое сердце Грибоедов, страна, в
которой вырос Маяковский, — страна
русской литературы. И это не только
не мешало ей оставаться страной
Золотого руна, «Витязя в тигровой
шкуре», Давида Строителя и царицы
Тамары, но еще более придавало ей
оттенок романтического величия».

(Дружба народов. N9, 2004.
magazines.russ.ru/druzhba/2004/3/
igr19.html - 35k).

Яркая метафора родилась однаж-
ды у Николая Тихонова, назвавшего
Грузию огромной сказочной поэмой,
которая поражает исполинскими об-
разами.

«Есть страны, которые по отноше-
нию к другим странам играют особую
роль, — считает он. — Они играют эту
роль даже не политически, не эконо-
мически, — но какой-то перекличкой
души, сердечного волнения. Одной
из таких стран в Европе является, по-
моему, Италия. Для русского поэта
нашей Италией стала Грузия. Как это
получилось? Трудно ответить на этот
вопрос, потому что сколько людей,
столько и ощущений. Но дело в том,
что средоточие всего, что определя-
ет страну в ее внутренней сущности,
привлекало, быть может, даже неза-
висимо от биографии поэтов... Ска-
жем, Пушкин: нельзя сказать, что он
заехал в Грузию просто так; Лермон-
тов заехал в Грузию просто так; Мар-
линский заехал в Грузию просто так.
Но все они, попадая туда, должны
были пройти через грузинское ощу-
щение того, что осталось до наших дней

в истории этого взаимоотношения
сердец... Все эти поэты, по-разному
принимавшие страну, сходятся в по-
нимании значения лирической силы
этой страны» (Цит. по воспоминаниям
Н. Табидзе «Радуга. Тициан Табидзе
и его друзья». Литературная Грузия. N
7, 1984).

МЕЧТА О РАЕ. ПОЭТИЧЕСКОЕ БРАТСТВО

Лирическую силу Грузии ощутил и
Евгений Александрович Евтушенко. В
своих произведениях на грузинскую
тему он не отступает от традиции: Гру-
зия для него — Эдем, райский уголок,
существующий как бы вне реально-
исторических пространственно-вре-
менных координат и в то же время
внутри них. То есть **всегда и сейчас**.

Мотив идеализации, романтизации
прослеживается практически во всех
произведениях Евтушенко грузинско-
го поэтического цикла.

В стихотворении «В среде, где
скудость нелюдская...» поэт созна-
тельно сгущает краски, создает карти-
ну концентрированного, гипертрофи-
рованного зла. Здесь все построено
на противопоставлении двух миров,
контрасте. Антитетичность поэтиче-
ского мышления, как утверждает В.
Прищепа, автор работы «Парадигма
идейно-эстетических поисков Евгения
Евтушенко» ([www.russofile.ru/articles/
article_133.php](http://www.russofile.ru/articles/article_133.php) - 173k), вообще харак-
терна для творчества Евгения Алек-
сандровича.

На одном полюсе у Евтушенко —
«скудость», «склочные переклесты»,
«самодовольства некрасивость», «от
вежливости страшно», «пахнет жи-
вым и продажным», на другом — пол-
ная всему этому противоположность,
воплощенная для Евтушенко в емком
слове — «Грузия». Грузия — то место,

где поэт приложил к своим ранам
«травы целебные».

В этом стихотворении использо-
ван прием аллитерации: обилие шипя-
щих и свистящих передает ощущение
недоброжелательности, злобы: «где
скушно ешь и скушно пьешь, где так
безнежно и бесхашно», «злбный
взгляд» (звукозапись словно воссоз-
дает змеиное шипенье). Обращает
на себя внимание и неологизм — на-
речие «бесхашно», образованное от
существительного «хаши» (суп, рас-
пространенный на Кавказе) префикс-
сально-суффиксальным способом.
«Бесхашно» — то есть холодно, рав-
нодушно, скучно, поскольку «хаши»
олицетворяет грузинский стол, грузин-
ское гостеприимство и радушие.

По тому же художественному
принципу построено стихотворение
«В грузинском селении».

Я в женщине той обманулся,
с которой судьбу я связал,
и друг от меня отвернулся
за то, что я правду сказал.
Но вот у кувшинов пузатых
с друзьями своими стою,
грызу кукурузный початок
и крупную солью солю.
Свободный от пут и клевет,
я запахом трав одурманен,
и брат мой — грузинский крестьянин,
и брат мой — грузинский поэт.

(Здесь и далее стихотворения ци-
тируются по сборникам «Тяжелее
земли» и «Зеленая калитка»).

В прежней жизни, оставшейся за
пределами Грузии, лирический ге-
рой «обманулся» в любимой, «друг
от него отвернулся», а на грузинской
земле его окружают друзья. Но глав-
ное — здесь он «свободен от уз и кле-
вет», живет в атмосфере дружбы и
братства. Так, поэт попадает под воз-

С Тариэлом Чантурия

действие особого магнетизма страны, менталитета ее этнокультурной общности с характерным для него культом поборатимства, дружбы, которая превышает всего.

Воспевая Грузию в романтическом русле, Евгений Евтушенко, тем не менее, создает вполне конкретный ее образ, что соответствует пушкинской традиции восприятия Кавказа. В статье «Романтическое и реалистическое в пушкинском восприятии Кавказа (от «Кавказского пленника» к «Тазиту»)» Мария Филина отмечает эволюцию взглядов поэта, которая прослеживается на материале его кавказской тематики. «Поначалу это был край экзотического романтического вдохновения, но с гениальной прозорливостью Пушкин ввел Грузию в сознание русского читателя со всем многообразием проблем, живых людей, судеб, природы и истории. Но это не противоречит мысли Тициана Табидзе о том, что именно «волшебству пушкинского стиха Грузия в большой мере обязана тем, что у русских людей до сих пор сохраняется представление о ней, как о стране сказочных красот и неиссякаемой радости жизни» (Научные труды. Серия «Филология», выпуск VII. Санкт-Петербург – Тбилиси, 2003).

В стихах о Грузии, считает Владимир Огнев, Евгений Евтушенко руководствуется эстетическим принципом, который он определяет так: защита красоты. Да, красота вечна и бесконечна, но она нуждается в защите. «И когда поэт говорит «от себя» о любви, которая громадна и неожиданна, как море, рванувшееся в зрачки пассажира, летящего к нему на экспрессе («Море»), или смеется вместе со старым Ладом Гудиашвили над «жесткими догмами» постников и тупиц, тех, которые оторопело открывали рты перед изображением полногрудых грешниц-ангелиц на стенах храма («В церкви Кашуэты»), он как бы весело перекликается с грузинской музой, которая всегда неиссякаемо жизнелюбива и полнозвучна, лукава и мудра».

Образ топоса строится в творчестве Е. Евтушенко по модели мифа, причем мифа литературного, восходящего еще к романтикам. Тематический уровень «грузинского» текста Евтушенко демонстрирует богатство литературно-мифологической палитры в сочетании с реалистическими зарисовками.

Создавая возвышенный образ Тбилиси, Евтушенко (рассказывают, что когда поэт гостил в Тбилиси у своих друзей, он поднялся на фуникулер, окинул взглядом город и сказал: «Тбилиси похож на чашу с бриллиантами») поэтизирует, эстетизирует, то есть делает фактом искусства все, и даже вполне бытовые моменты. Оказавшись в его «Хашной», остро чувствуешь запахи грузинского застолья, ощущаешь терпкий вкус вина на языке. Видишь подсевшего к закопченному столу Пиросмани. Так, появляется

призрак из прошлого, образ из параллельного мира.

Романтически величавым, идеально прекрасным, приподнятым над реальностью и одновременно домашним, теплым предстает Тбилиси в одном из наиболее известных стихотворений Евгения Евтушенко – зарисовке «Мой Тбилиси». С одной стороны, поэт создает возвышенный образ города, на который звезды засмотрелись, это «город выше бурь и пауз», город-сказка, с другой, – «хинкальными дымящий, немножко сумасшедший и домашний».

По словам Е. Сидорова, Тбилиси для поэта – город, «знакомый до слез», как Ленинград для Мандельштама (Цит. по статье М. Кшондзер «Мы большая семья». Литературная Грузия, №5, 1983). Но в отличие от последнего, Евтушенко воспринимает Тбилиси в светлом, мажорном, «счастливым» ключе. Сравним с ощущением Андрея Белого:

«Серый Тифлис: он – приветливо серый; есть серость, которая лишь аллегория скуки; и есть серый цвет без всякого промысла; может быть, нежен, очарователен он, это серые здания, серые храмы с серебряными островершинами вышками, серые стены добротны тем древним налетом, пожухлостью многих годин, пролетевших осмысленно, серость отстоя, быть может, столетий, простерлась как тень некой думы и грусти».

И у Евтушенко Тбилиси – это, прежде всего, древний «город, где связь времен счастливо не распалась», где люди свято чтят свою историю, берегут память о прошлом, соблюдают обычаи: «И на рубашке у кого-то, усевшегося в уголке, мелькает родственника фото на черном траурном кружке» («Хашная»).

Связь с историей ощущает в Грузии и прямой предшественник Евтушенко – Борис Пастернак. Он «непосредственно связывает природу Грузии с ее историей, подчеркивая при этом, что покорен он не столько внешней, хоть и несомненной, красотой грузинского ландшафта, а запечатленной в ней «связью времен», «жизнью Картли», отпечатком исторических судеб народа». Однако Пастернак, поэт, творивший в непростую эпоху, воспринимает Грузию в диалектическом ключе – через призму тяжелых испытаний времени.

«Этот город (Тифлис) со всеми, кого я в нем видел, и со всем тем, кто и за чем из него ездил и что в него привозил, будет для меня тем же, что были Шопен, Скрябин, Марбург, Венеция и Рильке, – одной из глав «Охранной грамоты», длящейся для меня всю жизнь» (Избранное в двух томах. Том 2. М. 1985).

В то же время он видит здесь отнюдь не только Рай. Для него в Грузии соединяется «нужда» и «нежность», «Ад» и «Рай», «успех, и труд, и долг, и воздух». На этой земле «живут и у озер слепые и глухие», стоят «убогие арбы и хижинки без прясел». Отмечает Пастернак проявляющую себя в Грузии «пятую стихию» – фантазию, особый творческий дар грузин.

Такова была пастернаковская формула любви, проникнутая глубоким историзмом, охватывающая философское и нравственное постижение исторического процесса. Он, возможно, иначе воспринимал известные строки Маяковского об «Эдемах и Рае», не мог принять описания земли, где «инжир с айвой росли без труда у рта моего».

В стихах Евтушенко, выдвинувшегося на авансцену поэзии в эпоху «оттепели», возрождения надежд, остро, как гедонист, воспринимающего Гру-

зию — то есть всеми органами чувств, здесь нет «нужды», «ада», «убогих хижин». У него дышат, живут теплые камни тбилисских мостовых, уличные фонтанчики для питья, дымящиеся хинкальные и утренние хашные, фруктовые лавки с первым, еще зеленым и горьковатым на вкус виноградом.

Исходя из собственного духовного опыта, сформированного в определенной культурно-исторической среде, поэт продолжает традицию идеализации Грузии (не случайно у Евтушенко рождается ассоциация с «зеленой калиткой» Герберта Уэллса, за которой герою этого рассказа открывается фантастически прекрасный мир) и в то же время предлагает иную точку зрения, иной ракурс ее отражения в поэзии — как чего-то очень родного, ставшего духовно близким, неотделимым от его собственной жизни (то же, но по-другому у Пастернака). Евтушенко в Тбилиси — отнюдь не сторонний наблюдатель, не гость, а человек, сроднившийся с ним.

Эта двойственность восприятия — пьедестал величия и недостижимости и в то же отчетливое ощущение особой близости и духовного родства — отнюдь не проявление противоречия. Совсем наоборот, противоположные чувства составляют в душе поэта гармоническое единство. Пример — стихотворение «Мой Тбилиси». Здесь форма и содержание находятся в неразрывном единстве, соблюден принцип золотого сечения — божественная мера красоты. Ощущение гармонии поэтического текста возникает и благодаря парной рифмовке, двустушиям — эта форма придает стихотворению лаконизм, афористичную ясность мысли и в то же время музыкальность. Здесь отсутствует пафосность, декларативность, в которой иногда обвиняют поэта, — только нежная му-

зыка, в которой есть нечто медитативное, завораживающее:

В Тбилиси есть особенная прелесть:
в нем сестры — и сегоднешность,
и прежность.

Тбилиси — город выше бурь и пауз.
В нем связь времен
счастлива не распалась.

В Тбилиси есть особенная прелесть.
На этот город звезды засмотрелись.
Тбилиси из тебя не уезжает,
когда тебя в дорогу провожает.

Каждое двустушие содержит законченную мысль, так что, вычлененное из общего текста, оно представляет собой как бы отдельное стихотворение из двух строк. Как утверждает А. Журавлева в статье, посвященной анализу стихотворения другого поэта — Ф. Тютчева «Silentium», двустушие «сжато, тяготеет к афоризму и заведомо условно, конечно, как условен афоризм», «несет мысль о самостоятельной поэтической ценности фразы» (Стихотворение Тютчева «Silentium!»). К проблеме «Тютчев и Пушкин» // Замысел, труд, воплощение. — М.: МГУ, 1977).

По оценке Д. Джинчарадзе, строфы стихотворения «Мой Тбилиси» льются свободно, музыкально, легко, обладают динамикой — благодаря смежным рифмам. «Евтушенко верит в бессмертие города, ибо Тбилиси выстоял в нелегких поединках с врагом и всегда будет встречать и радовать друзей ласковой улыбкой солнца, своей добротой и человечностью» (Грузия в современной русской поэзии (70-80-е годы). Тб., 1993).

Свободолюбивому поэту, «всечеловеку» Евгению Евтушенко, талант которого формировался в атмосфере некоторой либерализации общественной и политической жизни, открытости

миру и относительной творческой свободы, в Грузии по-настоящему вольно дышится... Именно здесь была возможна публикация двух довольно острых, злободневных стихотворений Евтушенко — на страницах «Литературной Грузии» (№12, 1977 года). В одном из них он говорит о трагической судьбе русских поэтов: «Поэты сорокалетние у нас, на Руси, долгожители». В другом — оно называется «Завтрашний ветер» — с присущей ему эмоциональностью Евтушенко выступает против чиновничье-бюрократической системы застойных времен: он называет ее безветрием. В его воображении бушует ветер перемен, разрушающий «здания, построенные на песке», в том числе и им самим. Это, на наш взгляд, прямой призыв к ниспровержению всего устаревшего, отжившего, застойного... При этом поэт, именно с молодыми связывающий свои надежды на обновление мира, обращается к ним: «Каждое новое поколение ветер особый должно создавать. Если пылинки не поколеблено, следует, юноши, SOS давать. Молодость — это эпохи протравливание...». По тем временам стихотворение звучит очень смело, если не сказать, — бунтарски. Удивительно, что оно вообще было опубликовано в самый разгар застоя. На страницах «Литературной Грузии», за хребтом Кавказа, это стало возможно.

Не случайно именно здесь, в сентябре 1968 года, поэт, автор знаменитого стихотворения «Танки идут по Праге», в разговорах с участниками юбилея Николоза Бараташвили критиковал внутреннюю и внешнюю политику Советского Союза, считая ввод союзнических войск в Чехословакию актом насилия над независимым государством, и искал поддержки своей позиции у представителей грузин-

Евгений Евтушенко и Нодар Думбадзе

ской интеллигенции.

Одна из главных тем «грузинской» поэзии Евтушенко — особое духовное родство деятелей культуры двух стран. Евтушенко ощущает, что Тбилиси — город «призраков» и «призвук». Среди них — тени поэтов. Это культовые, знаковые фигуры грузинской и русской литературы, русско-грузинского поэтического содружества. «Галактиона подзывая знаком, в Тбилиси Пушкин бродит с Пастернаком». Здесь обозначена непосредственная связь русского поэта-прародителя с Борисом Леонидовичем и его грузинским собратом, поэтическая преемственность. Но если для Пастернака, прошедшего через молох тоталитарной системы, Галактион — ровесник, близкий по мироощущению человек, то для Евтушенко, сформированного либеральными тенденциями новой эпохи, Табидзе — это уже часть устойчивого мифа (хоть молодому Евгению Евтушенко и довелось общаться с маститым Галактионом). Поэтому эти две

фигуры, «помноженные» на Пушкина, и «бродят» в бесконечности времени и пространства — в творческом воображении Евтушенко.

По мнению поэта, «братство русской и грузинской поэзий — это не только братство в застольях, но и братство в трагедиях» (Лебедь с разрубленным горлом: // Зеленая калитка. Тб., 1990).

У этого культурного мифа богатейшая история.

«Провел день с утра до ночи с близкими братьями по устремлению культуры искусств: с Тицианом Табидзе и с бронзово-твердым и все же сердечным Паоло Иашвили», — писал Андрей Белый в своем дневнике (Цит. по книге Г. Цуриковой «Тициан Табидзе. Жизнь и поэзия». <https://coollib.com/b/355191/read>).

Был близок с грузинскими «братьями по устремлению» Сергей Есенин. По мнению Петра Нерлера,

его стихотворение «Поэтам Грузии» — «неподдельный гимн высокому братству поэтов, которым дышал Пушкин и о котором только вздыхал Александр Блок, но которое — и это поистине подвиг! — сумела возродить славная плеяда голуборожцев» (Свидание с великим городом. Литературная Грузия, N2, 1983).

Беспрецедентное «братство в застольях и трагедиях», имевшее место в общей судьбе Бориса Пастернака и друживших с ним Тициана Табидзе и Паоло Иашвили, отражено в работе М. Филиной, Н. Надибаидзе и И. Дзnelадзе «Настало время высоких примеров (Союз Бориса Пастернака с грузинскими поэтами)».

«В разгар той поры, когда огромная государственная машина пыталась доказать, что человеческая и творческая жизнь может быть стерта с лица земли, что она не представляет верховной ценности, в содружестве Пастернака и его друзей, живых и погибших, возникло и действует утверждение высшей и самоценной важности этой жизни для близких и всего человечества.

Борис Леонидович постоянно с колоссальной душевной отдачей выдвигает и хранит саму идею продолжения жизни его друзей, несет ее в своей повседневности. Он подчеркивает свою неразрывность с ними, готовность разделить судьбу».

По мнению исследователей, это одно из самых ярких проявлений естественного развития человеческих созидательных способностей. «Такое содружество вопреки всему и есть важнейшая культурная ценность, а его история — это история противостояния творческих сил разгулу антитворчества».

Не потому ли в поэтическом сознании Евтушенко то и дело вспыхи-

вают незримые «призраки» — проявление важнейшей культурной ценности, которую просто невозможно уничтожить, вычеркнуть из истории или проигнорировать?

Один из них — художник-самоучка Пиросмани, Николоз Пиросманишвили, которому посвятили свои стихи Павел Антокольский, Андрей Вознесенский, Булат Окуджава, Ярослав Смеляков, Тициан Табидзе. Его образ-призрак — частый «гость» поэзии Евтушенко.

Тбилисская джинсовая молодежь,
в тебе —

от холстов Пиросмани —
ни признака.

(«Мацони»)

И в остро пахнущем тумане
у закопченного стола
глядит подсевший Пиросмани
сквозь пар от хаши из угла...

(«Хашная»)

... по кутилам Пиросмани,
что устали продолжать,
но гостей не перестали
внутри клеенок приглашать.

(«Я тоскую по Тбилиси»)

Но еще чаще возникают образы поэтов. В эссе «Лебедь с разрубленным горлом» Евтушенко пишет: «Несколько лет назад я шел по проспекту Руставели. Был настолько сильный ветер, что он вырвал из хрупких рук студентки, несшей букетик фиалок, красную гвоздику, взметнул ее над тротуаром, закружил, понес, и прежде, чем упасть, по неумолимому закону притяжения, гвоздика, колыхаясь, реяла в сошедшем с ума воздухе.

И мне вдруг показалось, что это гвоздика покачивается в петлице

человека-невидимки — Тициана Табидзе, который и после своей гибели не покинул Тбилиси и бродит по его улицам со своим любимым цветком, светящимся на груди, словно запекшийся сгусток крови... Так сложилось исторически, что Грузия стала второй матерью русской поэзии, всегда спасавшей русских поэтов в моменты их опал и печалей под белым крылом своих облаков, похожих на сгустившиеся выдохи горных вершин. Так было в давние, и в не слишком давние времена».

Наряду с образом «Грузии счастливой» в творчестве поэта возникает образ «Грузии печальной» (как считает Лина Хихадзе, два пушкинских эпитета-антонима — «счастливый» и «печальный» — отражают более углубленный и всеохватный взгляд Александра Сергеевича на «грузинскую проблему» — «Пушкинская Грузия — «счастливая» и «печальная»: // Литература в движении (русско-грузинские диалоги). Тб., 2003).

И этот «печальный» образ возникает у Евтушенко именно в связи с трагической участью поэтов, ставших жертвами сталинского режима, — Тициана и Паоло. Но если для Пастернака эти поэты — братья по духу, по общей судьбе, то для молодого Евтушенко — лишь тени, следы, пусть и дорогие (стихотворение «Следы»). Паоло и Тициан ушли из жизни в 1937-м, Галактион Табидзе — в 1959 году, когда Евгений Александрович только пришел в литературу.

Тень Галактиона появляется в стихотворении «Земля грузин». И вновь амбивалентность — высота, которая поднимает над обыденностью, фальшью, удачей и неудачей, но может стать и роковой.

Земля грузин, ты так сильна,
что мощью внутреннего гула
Галактиона из окна
К себе смертельно притянула.

О значении Галактиона в грузинской культуре, о так и не разгаданной тайне его поэтического дара (Евгений Александрович писал о том, как сложно, почти невозможно было перевести Галактиона) Евтушенко говорит в стихотворении «Лимонад Лагидзе»:

Всегда есть неразгаданность
в провидце
И в мастере любом —
таков закон.
Секрет своей воды унес Лагидзе,
Как тайну языка Галактион.

Небожителями показаны грузинские поэты-«голуборожцы» Паоло Иашвили, Михаил Джавахишвили и Тициан Табидзе в стихотворении «Следы». Приняв у Пастернака эстафету любви и взаимовыручки, Евтушенко судит и себя самого высшим судом совести (совесть, обостренное чувство ответственности — тема, характерная для творчества поэта на протяжении всей его жизни). Роковая судьба поэтов — общая вина всех. Во все времена.

Здесь вы ходили с облаками вровень,
И подпевали эти птицы вам.
Я перед вами,
мертвыми,
виновен,
Паоло, Михаил и Тициан.

Следы грузинских поэтов, смытые некогда враждебным дождем, Евтушенко вновь находит в горах — они опять проступают на тропинках («Следы»). Память неистребима — такова мысль поэта. Возникает образ все

того же, пушкинского Кавказа — немого свидетеля минувших трагедий, хранителя памяти. Лирический герой испытывает острое чувство вины перед ушедшими. Совесть — нравственная категория. Она тоже постоянно «проступает», то есть напоминает о себе. Как следы, несмываемые временем.

«Несмываемой» — неподвластной времени оказалась и «святая поэтическая троица» — Табидзе, Иашвили и Пастернак, чьи имена остались «незапятнанными» и проступили сквозь «розовость» пышной вакханки художника Ладо Гудиашвили. В стихотворении «Звезда Гудиашвили» вновь раскрывается тема поэтического братства и «в застольях», и «в трагедиях». Здесь рядом с Тицианом и Паоло возникает образ их близкого русского друга — Бориса Пастернака:

И однажды, пируя отпето,
и тоскуя беззвездной тоской,
расписались три брата-поэта
у Ладо на стене в мастерской.
И картина, как будто кулиса,
скрыла в тяжкие времена
Тициана, Паоло, Бориса
Незапятнанные имена.

У Евтушенко — свой поэтический круг друзей, сложившийся в новую эпоху. Их отношения можно также рассматривать в контексте диалога культур (кстати, два года назад в Государственном литературном музее в Москве прошла международная конференция на тему «Борис Пастернак и Тициан Табидзе: дружба поэтов как диалог культур»). Но если диалог Пастернака с грузинскими поэтами происходил в довольно тяжелый исторический период, то отношения Евтушенко развивались в более благополучные времена. И здесь чаще

имели место «застолья», нежели «трагедии». К друзьям — Тамазу и Отару Чиладзе, Симону Чиковани, Георгию Леонидзе и другим Евтушенко обращает свое эмоционально поднятое стихотворение «Я тоскую по Тбилиси», в котором звучит своего рода гимн, ода дружескому застолью, братской дружбе с грузинскими поэтами. Их образы Евтушенко носит в своей душе, даже находясь за многотысяч верст от Грузии:

Я тоскую по Тбилиси,
по домам, чей срок на слом,
по лихому острословью,
ну, хотя бы за столом,
по Отару, по Тамазу,
по «Давльот!», «Аллаверды!»,
по горбтому томату
на лице у тамады,
по Симону и по Гигле,
будь земля для них легка!

Для Евтушенко важна глубинная общность культур, духовная близость лучших ее представителей. В небольшой стихотворной зарисовке «Чиковани» он несколькими штрихами набрасывает портрет ослепшего, но чутко реагирующего на звучащие стихи поэта Симона Чиковани — родного, близкого Евтушенко по духу художника. Душа творца всегда раскрывается навстречу поэтическому слову.

Симон Чиковани был связан с русскими поэтами тесными узами дружбы, помогал им. Это общий друг Пастернака и Евтушенко, как бы связующее звено между поэтами разных эпох и поколений.

«Чиковани был одним из ближайших друзей Пастернака. Очень любил стихи Межирова, относился к нему с дружеской иронией, которая гораздо выше, чем все комплименты. Чиковани поддержал еще молодую Ахма-

С Дж. Чарквиани и Р. Амашукели

дулину и меня, как, впрочем, всегда поддерживал молодых грузинских поэтов... Так любить русскую культуру, как любил он, мог только человек, любящий свою национальную культуру. Но у Чиковани, как у настоящего человека и поэта, национальная гордость никогда не переходила в национальную узость», — пишет Евтушенко (Зрение сердца: // Зеленая калитка. Тб, 1990). Остается вновь напомнить, что национальное самосознание возникает именно на стыке с другой культурой.

«...И ПУШКИНСКИЙ ОТКРЫЛСЯ ПЕРЕВАЛ»

В «кавказской» поэме» Евгения Евтушенко «Пушкинский перевал» диалог культур перекликается с диалогом эпох XIX и XX столетий и происходит на историческом месте встречи Пушкина с телом погибшего Грибоедова (одна из самых краси-

вых легенд русской литературы: некоторые исследователи считают мистификацией описанный Пушкиным эпизод).

Традиция, берущая начало от Пушкина и других русских писателей, находит здесь неожиданное развитие. Вновь появляются образы, тени, следы поэтов — на этот раз Пушкина, Грибоедова и Лермонтова.

... Арба навстречу Пушкину ползла, а он, привстав с черкесского седла, «Что вы везете?» — крикнул

в грохот ветра, и кто-то там ответил не со зла, а чтобы быть короче: «Грибоеда!» Полковник, вероятно, был чудака, но только в чудаках есть Божья искра. Про перевал шел полковник так, Как будто бы про Пушкина:

«Он близко...»

И газик наш, рванувшись, перегнал С погибшим Грибоедовым повозку И вдруг, хрипя, забуксовал по воздуху, И Пушкинский открылся перевал.

Пушкинский перевал, через который пролегает дорога из Грузии в Армению, во времена Пушкина назывался Безобдальским. Именно его описал великий поэт в «Путешествии в Арзрум»: «Кого везете?» — «Грибоеда...». В 1937 году здесь был сооружен памятник (авторы — Смбат Саркисян и Георгий Мурза), и на бронзовом барельефе, украшающем мемориал, запечатлен этот момент встречи двух гениев.

В поэме, в которой переплетается романтическое и реалистическое, историческое и современное, отражен эпизод трудного преодоления Пушкинского перевала, произошедшего в действительности, а не навеянного фантазией. Вместе с военнослужащими через это испы-

тание прошел и Евгений Евтушенко, черпая силы в культурно-исторической памяти. Еще раз мысль о том, что прошлое помогает выстоять в испытаниях настоящего, прозвучала в его стихотворении «Броня». Причем помогает не только в высоком, духовном смысле этого слова, но — в самом прямом, конкретном: историческая книга Анны Антоновской «Великий Моурави» стала броней для рядового Мнатобашвили, защитив его грудь от пули.

Евтушенко перекидывает мост между прошлым и настоящим, между современностью и традицией. Это проявляется и в самом факте обращения к жанру лирической поэмы, и в ее романтической интонации, и в использовании устаревших слов и грамматических форм («обличитель», «войско», «фридриховский фронт», «братушки», «трепушки»), и в появлении на страницах поэмы знакомых персонажей «Горя от ума» («как новый Чацкий, закричать на модный лад: «Ракету мне, ракету!»; «молчалиных тихоньствующих сонм и многоликость рожи Скалозуба») и исторических личностей пушкинской поры (Александр Бенкендорф, Фаддей Булгарин), и в пейзажных зарисовках, в которых реалистическое сопрягается с романтическим, обыденно-прозаическое — с высоким лирическим пафосом:

Пузатые марани по бокам
просили их похлопать —
ну, хоть разик! —

но, вежливо сигналив ишакам,
упрямее ишака трусил наш газик.
А солнце все вздымалось в синеву,
А Грузия, лилась, не прерываясь,
и как трава вливается в траву,
и как строфа вливается в строфу,
В Армению она переливалась».

Критик Эдуард Елигулашвили отмечает, что пейзаж Евтушенко отличается пушкинской «предельной конкретностью», пластичностью письма. Здесь все удивительно зримо и динамично, — если заимствовать терминологию у кинематографистов, перед нами — «прием панорамы, когда движение объекта изображения переплетается с движением камеры, в данном случае — глаза поэта». И далее: «Манера его письма в лучших местах поэмы не просто конкретна, но и национально конкретна. Перед нами пример обратной связи: не только поэт трансформирует, под углом своего национального восприятия, национальной поэтической традиции, материал, но и самый материал оказывает воздействие на поэта» (В оригинале и в переводе. Тб., 1969). Речь идет о диалоге поэта с культурно-исторической традицией.

Как всегда у Евтушенко, в «Пушкинском перевале» лирическая интонация обретает публицистический накал — это образец лирической публицистики.

В экстремальных обстоятельствах преодоления перевала русские поэты становятся для лирического героя нравственным камертоном, мерилom мужества и стойкости — как и грузинские «братья по перу» из стихотворения «Следы», где Евтушенко изображает поэтов небожителями. Как «багдадский подросток» Владимир Маяковский («В эхо ваше, грузинские кевври, как багдадский подросток, я верю...»), проверяющий по «эху», то есть, памяти, свой «голос», «как и следует в жизни поэту», и испытывающий острое желание причастности — традиции, общей культуре и судьбе: «Это эхо пусть будет не узким, а с народами всеми единым... Если б я не родился русским, я хотел

бы родиться грузином!»

В «Пушкинском перевале» мы вновь находим столь характерный для Евтушенко мотив сопряжения «сегодняшности» и «прежности», истории и современности, а преодоление Пушкинского перевала становится знаковым событием. Оно символизирует разрешение глубинного внутреннего конфликта лирического героя, ежеминутно стоящего перед нравственным выбором, проходящего проверку на духовную стойкость и зрелость, способность справляться со своими слабостями и принимать решения, осознавая свой долг и ответственность.

Перевал, гора — это нравственная высота, но это еще и психоаналитический архетип Самости. В соответствии со взглядами основоположника аналитической психологии Карла Густава Юнга Самость сталкивает нас с полярностью Добра и Зла, человеческого и божественного. Неслучайно именно здесь, на горе происходит встреча с Пушкиным и Грибоедовым, именно здесь напоминают о себе небожители Паоло, Михаил и Тициан. «Подняться к вольной высоте» стремился и Пушкин, дабы обрести духовную гармонию, приблизиться к божественной сущности.

Интересна история создания поэмы «Пушкинский перевал». Шел 1965-й. На смену хрущевской «оттепели» пришли брежневские «заморозки».

Очевидец рассказывает: «К нам поступали директивы из Главного политического управления вооруженных сил, в которых перед работниками идеологического фронта ставилась задача: всю воспитательную работу направить на достижение политического единомыслия личного состава армии и флота. Кажет-

Памятник на Пушкинском перевале

ся, именно в это время в советской прессе началась кампания против Евгения Евтушенко, опубликовавшего статью в одном из западных журналов.

Статья под названием «Преждевременная биография рано созревшего молодого человека» была опубликована в западногерманской газете «Штерн» и французском «Экспрессе». «Голос Америки» сообщил, что Евгения Александровича, в духе лучших имперских амбиций, сослали на Кавказ, где он должен был пройти стажировку в качестве корреспондента одной из дивизионных. Но по прибытии в Тбилиси поэт был тепло встречен редактором окружной газеты Михаилом Кузьмичом Головастиковым. И ссылка превратилась в триумфальную поездку опального Евгения Евтушенко в сопровождении полковника Головастика по

гарнизонам Закавказского военного округа. Залы, в которых он выступал, были переполнены, люди, затаив дыхание, слушали замечательные стихи, острые, злободневные, и проникновенные строки о любви. Кроме того, Евгений Евтушенко консультировал поэтов-воинов, встречался с участниками литературного объединения «На марше», существовавшего на базе газеты Закавказского военного округа «Ленинское знамя» («Здравствуйте, Евгений Евтушенко». Ленинское знамя, 4 декабря 1965 г.).

Объявляя себя продолжателем классических традиций, лирический герой, тем не менее, подчеркивает, что он — не Пушкин и не Грибоедов (вспомним лермонтовское: «Нет, я не Байрон, я другой...»). «Я слаб. Я мал», — настаивает поэт. Да и на Кавказ приехал вовсе не в наказание, как его предшественники.

В Париже пишут, будто на Кавказ я сослан в наказание, как Пушкин. Я только улыбаюсь: — Эх, трепушки, — Желаю вам, чтоб так сослали вас!

Однако эти слова поэта вступают в кажущееся противоречие с другими свидетельствами — о том, что его поезд был ссылкой за «недостойное поведение». Не зря Евтушенко касается в своей поэме этой щекотливой темы. Думается, поэт не намеренно умалчивает причины, приведшие его на Кавказ, факты, которые в чем-то сближают его судьбу с судьбой самого Пушкина и других поэтов, сосланных на Кавказ «в наказание». Причина в другом: Евтушенко хочет подчеркнуть, что Грузия сторицей вознаградила его за «ссылку». Доказательство тому — изменения, внесенные Евтушенко в текст поэмы спустя годы. Приведенная вверху строфа «В Париже пишут,

будто на Кавказ...» сейчас звучит так:

В Париже пишут, будто на Кавказ
был сослан я как Лермонтов,
как Пушкин,
а я в стране грузин, красиво пьющих,
пил хвanchкару, как мой солдатский квас.

(Цит. по книге «Евгений Евтушенко. Поэт в России — больше, чем поэт». Санкт-Петербург. 2015).

Уже в наши дни в интервью автору этих строк Евтушенко рассказал об обстоятельствах, приведших его в Грузию, в военный гарнизон: «Я был единственный рядовой из необученных, но годных в Союзе писателей и получил повестку на сборы. В это время ГлавПУР пытался запретить мою песню «Хотят ли русские войны», как демобилизующую наших солдат, и тогда начальники страшно разозлились, что не удалось. Меня вызвали в ГлавПУР перед командировкой на сборы. «Ты куда хочешь поехать? — спросил Михаил Луконин. «В Грузию, конечно...», — ответил я. «Так вот что ты им скажи, — посоветовал Миша. — Отправляйте, дескать, меня куда угодно, только не в Грузию, и они тебя именно туда и отправят!»

Так оно и случилось. На мое счастье полковник М. Головастикова оказался прекрасным человеком, да и командующий генерал армии Андрей Трофимович Стученко, бывший буденновец, однажды встречавший свой день рождения только в моей компании, тоже был по-своему уникален. Стал легендой забавный звонок его адъютанта в редакцию военной газеты, где я «служил»: «Командующий Закавказским военным округом спрашивает, сможет ли рядовой Евтушенко присутствовать на его дне рождения завтра?»

Но Головастикова сделал просчет, представив меня сразу к званию майора из рядовых. Бумаги, подписанные им, были перечеркнуты ПУРом, и я так и остался солдатом».

Фигура Евгения Евтушенко всегда была окружена легендами. Поэтому и причины его кавказской «ссылки» излагаются по-разному. Журналист Исаак Трабский предлагает свою версию тех событий:

«Впервые я увидел Евгения Александровича где-то в конце 60-х, в редакции окружной газеты Закавказского военного округа «Ленинское знамя», с которой я, капитан, активно сотрудничал. Другая-журналисты по секрету сказали: «Евтушенко у нас будет служить солдатом» — в наказание за «демобилизующую народ» песню «Хотят ли русские войны». Главное политуправление армии и флота распорядилось призвать строптивого поэта в армию. «Но в казарму я не попал, — вспоминает Евтушенко. — Меня взял к себе «на службу» главный редактор газеты «Ленинское знамя», человек редкой порядочности и души, полковник Головастикова. Ему я посвятил свою поэму «Пушкинский перевал», которая тут же была опубликована в газете («Ленинское знамя» — И.Б.), приведя в ужас «главпуровцев» и работников Гослита». Честный и смелый редактор с большим риском для своей карьеры организовывал творческие вечера Евгения Евтушенко в гарнизонных Домах офицеров и в солдатских клубах, где любимого поэта восторженными овациями и цветами встречали молодые офицеры, их жены, студенты. Автору этих строк посчастливилось участвовать в тех незабываемых встречах. Но генералы из ГлавПУРа, кому подчинялись все СМИ армии

и флота, не могли простить подобную «вольность» редактору военной газеты. Его срочно вызвали в Москву, по партийной линии объявили «строгий выговор с занесением» и вскоре досрочно уволили с военной службы» (Встречи с поэтом. <http://jewniverse.ru/modules.php?name=News&file=print&sid=429>).

Обаятельный образ полковника Головастика, запечатленный в поэме «Пушкинский перевал», вызывает большую симпатию. Поэт подчеркивает в офицере не утраченные с годами чистоту и наивность, «что-то детское на диво», «школьный трепет», скрываемый под мундиром, когда он рассказывал молодому поэту об исторической встрече Пушкина и Грибоедова, о том, как «страшно побратал их перевал».

Армейские идеологи и «литературоведы» в штаны встретили саму поэму — и факт ее публикации в военной газете, и посвящение. Особенно возмутительными и вызывающими раздражение были для них строки: «Полковник мне значенье придавал»... Об «отщепенце Евтушенко» долго еще говорилось на разных сборах пропагандистов и семинарах политработников.

«ЯЗЫК — РАСТЕНИЕ ЗЕМЛИ»

Евгений Александрович считает, что «поэтическое осязание слухом начинается с чувства природы». По мнению В. Прищепы, «у Евтушенко наличествует собственное философское понимание природы как прародительницы, первоосновы, первоисточника человеческой вселенной. Лирический герой, может быть, не очень последовательный и вдумчивый, но — вечный (и опять же — суежный, нетерпеливый) ученик природы... В мировоззрении

поэта природа оказывается своего рода посредником между человеком и Богом, помогающим понять загадочную сущность мироздания».

В «Слове о грузинской поэзии» (сборник «Зеленая калитка») Евтушенко пишет: «Язык — это растение земли... Поэзия любого народа — это концентрация почвенного состава родных холмов».

В этом — истоки подлинности, а изменить подлинности для Евтушенко — значит изменить самому себе. В то же время в нем как будто борются противоречивые чувства: от «чистоты вершин» героя все время влечет в «суету долин».

И путь, наверно, у меня один.

Я знаю — будет сложным он и длинным:
Всю жизнь бежать к вершинам от долин
И возвращаться от вершин к долинам.

(«В Бакуриани снова я»)

Но в этом для Евтушенко нет противоречия. Он не разделяет гармоничный мир — ему необходимы и чистота вершин, и суета долин. Чтобы острее ощутить чистоту, осознать духовность, обрести себя более совершенного, нужно окунуться в суежность каждодневного бытия, где «борьба великая идет». Поэт стремится принимать самое живое участие в этой борьбе, быть в гуще событий. Но при этом совершенство он находит в природе.

По мнению философа А. Бегишвили, анализирующего в своей статье сущность миропонимания двух поэтов — Евтушенко и Андрея Вознесенского, «Евтушенко умеет в обыденном, до мелочей знакомом событии видеть проявление совершенства, господствующего в природе. С искренним благоговением улавливает он связь простого, ежедневно повто-

ряющегося события с великими законами природы». Так что в простых виноградинах, под кожурой которых горят «как будто крошечные лампы», заключен для него смысл бытия. А поэт для него — виноградарь, который должен в своем искусстве «повторить совершенный миропорядок» (Два поэта — два миропонимания. Литературная Грузия, №6, 1967).

«За хребтом Кавказа» происходит духовное очищение. Автор обретает настоящего себя. Для поэта Грузия, Кавказ — то место на земле, где он ощущает естественность, слышит нефальшивую ноту, находит момент истины — необходимое условие для творческого развития.

Любопытные мысли в связи с этим — о взаимоотношениях русского человека с Кавказом — высказывает Г. Гачев: «Кавказ для России — бастион и форпост Востока, и русский человек испытывал там особо острую лихость свою: «Печорин в Тамани, отринываемый «честными контрабандистами» и Ундиной местной, да и в «Бэле». Пейзаж Кавказа и присутствующий рядом фон восточного твердого быта, уверенно знающего, зачем человеку жить на свете, особенно усиливают тоскливую ноту русской неприкаянности... И именно на этом фоне русский человек — воистину герой: таков и Печорин, и Жилин из «Кавказского пленника» Толстого, — ибо у тех мужество хоровое, родовое, а у этих — экзистенциально-одинокое. По пословице верной: «Один в поле не воин» — и лишний человек на фоне равнинного российского пейзажа не героичен: Евгений Онегин, Рудин — ирои-комичны они. Левин опять же (в период раздумий). Но перед определенностью Кавказа, где «Казбек, как грань алмаза»..., и русский дух призван к самоопределенности

— и находит себя, и самопознается» (Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. <http://uchebana5.ru/content/2941872-p75.html>).

Духовное и творческое обновление, самопознание переживает в Грузии и Сергей Есенин, русский стих которого «заструился кизиловым соком». А его поэтический потомок спустя несколько десятилетий напишет:

Только в том есть
с природой единство,
В чьей душе —
чистота и пространство...
Отвергаю
низинное свинство!
Принимаю
вершинное сванство!

Опять прием антитезы — «низинное свинство» жестко противопоставлено «вершинному сванству». Первое понятие включает в себя все отрицательные проявления человеческой природы — корыстолюбие, бесчестность, фальшь, второе («сванство» — неологизм Евтушенко, собирательное существительное, образованное от слова «сван») — противоположные, положительные качества. Для Евтушенко «сванство» — это в первую очередь «чистота и пространство», благородство души, бескорыстие. Своего рода нравственный императив.

«Поэт создает могучий образ — сван неприступен как башня. В этом локальном сравнении отразилась не легкая история страны, когда сванские башни отражали нашествие врага и как бы передали потомкам свою твердость и неприступность. Гневно пишет Евтушенко о тех, «кто крал иконы у сванов», придя с рюкзаками из низин, то есть поднял руку на предмет материальной культуры древнего народа, — пишет Д. Джин-

чарадзе. — Поэт выносит им не подлежащий сомнению приговор... Люди с низменными страстями низвергнуты поэтом в низину, благородные сваны возведены на вершину гор».

Эпикурейцу Евгению Евтушенко свойственна тяга ко всему телесному — осязаемому, вкусовому. В этом смысле интересна точка зрения Михаила Эпштейна: «Это поэт не только природы самой по себе, сколько природы, то есть подлинности, искренности, непосредственности, образец которой человек находит в природе... Стремясь удостовериться в нелживости мира, герой ищет прикосновения к тому, что осязаемо: городской человек, он постоянно держит в зубах или трогает что-нибудь малое, извлеченное из природы, — веточку, травинку, сосульку, словно восстанавливая эту тончайшую ниточку, недостающую связь с живым бытием» (Природа, мир, тайник Вселенной. Система пейзажных образов в русской поэзии. М., 1990).

Для Евгения Евтушенко «весь мир — кукурузный початок, похрустывающий на зубах». Характерно стихотворение грузинского цикла «Люблю я виноград зеленый...». Лирический герой с наслаждением ощущает «горькость хрустящих косточек во рту», видит в гроздьях живой блеск (вспомним одну деталь из воспоминаний Б. Гасса: на столе у Евтушенко лежали гроздья винограда и яблоки, которым поэт отдавал предпочтение в период пребывания в Грузии). Для него в этом — подлинность. И вслед приходит осознание своей неспособности удержать ее:

Я на вопросы отвечаю
не очень вдумчиво, молчу,
а между тем, не замечаю,
что виноградины топчу.

Виноград, виноградная лоза, виноградарь — это традиционные для грузинской культуры образы довольно часто появляются в творчестве Евтушенко. В его воображении возникает полуфантастическая, сказочная страна грез. Поэт прибегает к развернутому сравнению: ночная Грузия сравнивается с усталым большим виноградарем («Ты вечером с гор взгляни!»). Рождаются яркие образы, метафоры: «И в снах твоих медленных, Грузия, сплошной вереницей даров плывут виноградные гроздья, как связки воздушных шаров».

«Духовным виноградарем, отцом, просветителем» называет Евтушенко абхазского поэта Дмитрия Гулиа. И в этом перекликается с грузинским поэтом Георгием Леонидзе, написавшим в стихотворении «Грузинский язык» (перевод Е. Евтушенко):

Язык грузинский,
Ты вся жизнь моя,
Ты — виноградник,
Виноградарь — я!

У Евтушенко («Нанду»): «Земля — язык», «Из этих бережных семян взойдут абхазский стих, роман». Поэт создает здесь развернутую метафору, называя поэтов и писателей — Шота Руставели, Важа Пшавела, Пушкина, «сеятелями языка». И все это, как обычно у Евтушенко, завершается емкой афористичной мыслью:

Как человечество, огонь
Многоязык, и тем велик.

Характерно стихотворение «Грузинке». Поэт рисует живой портрет юной очаровательной девушки, веселой, полной жизни. Она «росу с дрожащих листьев жадно пьет», бросает лирическому герою яблоко

«с крохотною веточкой и листиком». Мы словно ощущаем влагу на губах, гладкость кожицы плода, его аромат. Интересно, что именно это, вполне конкретное, осязаемое яблоко становится символическим мостом между поэтом и Грузией. Оно словно олицетворяет признание, диалог любви:

Я помню все,
и если вдруг минута грустная,
то из Москвы,
свои сомнения гоня,
кричу тебе:
«Брось яблоком в меня!»
И через сотни верст
над чашами скалистыми,
над городами
и над кипенью раки
мне в руки
с крохотною веточкой и листиком,
вращаясь,
яблоко
по воздуху летит!

Образ летящего яблока возникает и в стихотворении «Горная дорога»:

И дикое яблоко ловко
мне в руку летит, и — в руке
с притихшею божьей коровкой
на влажной зеленой щеке...

Как нам представляется, образ яблока ассоциируется в творческом воображении автора с чистотой, целомудрием души, весной — со всем, что связано с экологией внутреннего мира человека, его собственной души. Но он же имеет и другой смысл (в стихотворении «Грузинке») — искушение. Потому что прочно связано в нашем сознании с библейским мифом об Адаме и Еве, изгнанием их из Рая.

Уместно вспомнить типологическую классификацию творцов Григо-

ла Робакидзе в эссе «Андрей Белый». В качестве критерия он выбрал отношение к земле. «Влюбленность в тело земли рождает у поэтов любовь к вещам, ко всем вещам, даже самым малым. Не страшен им хаос. В нем они чувствуют проматерное лоно всякого бытия — хоть и темное и безликое, но все же родимое и родное. Отсюда необычайная страстность таких творцов к оплодотворению, к рождению, к оформлению; отсюда же — исключительная стройность, солнечная освещенность их душевного ритма» (Никольская Т. Грузинские символы о Пушкине. <http://www.ruthenia.ru/document/528215.html>).

Евтушенко свойственно это мироощущение. Он влюблен в «тело земли» Грузии и осознает, что язык есть производное окружающей природы. «Язык степняков похож на шуршаще-шипящие звуки жестких степных трав, бессмертников, перекасти-поля. Язык горцев — на волокущий гро-

хочущие камни горный поток. Язык эскимосов напоминает хруст устоявшегося, покрытого ледяным настом снега под лыжами. В русском языке можно услышать и луга, где стрекот зелененьких кузнечиков и слюдяной шорох стрекоз переплетается с почти позванивающим трепетом колокольчиков, и поле, пошумливающее волнами златокованных колосьев, и шепчущийся вершинами с облаками темный лес...», — пишет поэт в своем эссе «Ко всякому удару молитва» (Литературная газета, N28, 9-15 июля 2003 года).

Особые отношения связывают поэта с морем — уже с самой первой встречи с ним в 1952 году, когда родилось его знаменитое «Море». Морская стихия дарит Евтушенко ощущение свободы (опять — свобода!). Это состояние «опьянения свободой» прекрасно передано в его раннем стихотворении «Я груши грыз, шатался, вольничал...», написанном в Батуми.

Кроме того, море для Евтушенко — это чувственная стихия, безрассудная страсть, роковая предопределенность, любовь, переживаемая, как «солнечный удар» Ивана Бунина — любовь, у которой нет будущего. Именно морская стихия вдохновила поэта на такие шедевры его любовной лирики, как «Любимая, спи», «Краденые яблоки», «Несколько нежных дней» (они создавались в Гагра, Гульрипи). Мы словно остро ощущаем вместе с автором звуки, запахи, вкус. Видим «соленые брызги», блестящие на заборе, слышим «ревящее море» и «деревьев мольбу». Все время происходят удивительные перемены: челка на лбу возлюбленной сравнивается с плещущейся золотой рыбкой. Штормящее море созвучно смятению чувств влюбленных. «Лю-

тея от рыка», оно «предупреждало о чем-то» («Краденые яблоки»). Опять появляются яблоки — символ любви, чистоты и в то же время искушения, вновь отсылающий нас к библейской притче:

Пусть буду я сплетнями загнан,
я знаю — любовь не для слабых,
и запах любви — это запах
не купленных — краденых яблок.

В стихотворении «Несколько нежных дней» через описание морской стихии — шторма автор вновь передает тревожное психологическое состояние своих героев.

Ночь была только одна:
билась о дамбу волна,
штора хотела с окна
прыгнуть в ревущую глубь.
Шторм берега разгромил
и пополам разломил
звездный огромный мир
пахнувших штормом губ.
Так вот горят на кострах;
спутаны страсть и страх.
Вечно — победа и крах,
словно сестра и брат...

«МУЖСКАЯ ВЫДЕРЖКА ВИНА».

Вино, застолье — традиционный символ грузинской культуры, часть национального образа страны. Он часто встречается в поэзии Евтушенко. Винам посвящен цикл его стихотворений — «Самтрестовская винотека», «Грузинские вина», «Грузинская застольная».

Для Евгения Евтушенко традиция застолья обретает философское содержание, помогает многое по-новому оценить, осознать, рождает ассоциации. Вино само по себе стано-

вится знаком. Будучи символом истины, божественного откровения, для Евтушенко оно является еще и олицетворением мужественности, самообладания, благородства, мудрости.

Афористичные двустушия «Грузинские вина» — это емкая поэтическая характеристика разных марок грузинского вина. Богатая образная структура каждой строфы выражает глубину постижения поэтом своеобразия «чужой» культуры, ее традиций.

В «Самтрестовской винотеке» Евтушенко создает образ вина как традиционного символа грузинской культуры, национального характера. Это нечто стабильное, незыблемое, стойкое, это — корни, истоки, своего рода оплот, основа существования народа, страны, олицетворение истории, вечности. Никакие «бури, непогоды», «треск национального пожара» не в силах помешать процессу формирования «винного букета». «И в этом не аполитичность, а просто преданность земле, что сохранило свою личность вино, лежавшее во мгле», — считает поэт.

Лишь то, что вечно, — то серьезно,
И дышат вечностью самой
и над землею — эти звезды,
и эти вина — под землей.

В этом Евтушенко перекликается с Андреем Белым, писавшим: «Кровь Грузии — старое очень вино, настоявшееся на глубоких страданиях; мы еще в шурах ходили, а Грузия — страдала; первая здесь принимала удары...» (Цит. по книге Г. Цуриковой «Тициан Табидзе: жизнь и поэзия»).

Лирическая интонация поэта неожиданно сменяется публицистиче-

ской. Тишина «самтрестовской винотеки» внезапно нарушается эмоциональным выплеском, нравственным посылом — обращением к поэтам:

Есть в нас невыдержанность часто,
Страшит безвестность, как несчастье.
Дай Бог, чтоб нам была дана
Мужская выдержка вина!
И пусть запомнится поэтам,
Как сбросив лишнее на дно,
Над вкусовым своим букетом
Само работает вино!

Апофеозом традиции — гостеприимства, застолья, дружбы, трепетного отношения к памяти ушедших — становятся стихотворения «Грузинская застольная» и «Хашная».

За столом навеки скрепляется братство: «Пусть будет изгнан трус и жмот, кто в чашу дружбы наплетет. Плыви, как в море бурном плот, наш стол — наш маленький оплот».

Сквозная рифма (Я не люблю всех тех, кто пьет / и дни и ночи напролет, / но если дружба соберет / нас всех из ям или с высот, / друг другу скажем без длиннот: / «Аба, давьют! Аба, давьют!»), лексические повторы, анафора, параллелизмы («Аба, давьют! Аба, давьют!»; турецкий гнет и прочий гнет; рука нальет, судьба дольет»; в тбилисской хашной, душистой хашной; да не забудь чесночный соус, и перец тоже не забудь; мужчины пьют, мужчины спорят, мужчины пахнут чесноком) создают возвышенный, взволнованный тон, торжественность тоста. Не зря Г. Гачев сравнивает тамаду с первосвященником, а то, что происходит за грузинским пиршественным столом, — с национальной литургией, домашней церковью.

В стихотворении «Хашная» Евтушенко предлагает собирательный образ горожанина: «все то, что пилит,

СОФИКО ЧИАУРЕЛИ:

— Влюбленность поэта в Грузию родила влюбленность грузин в него самого. Никогда не забуду один вечер на веранде нашего дома. Мы с Котэ Махарадзе сидели и слушали, как Евтушенко читал стихи из своей последней книги, и время от времени обменивались взглядами. Думали: «Боже, какое счастье, как это прекрасно!» А потом Евтушенко просил, чтобы читали мы с Котэ. И мы шли навстречу его желанию — читали стихи русских и грузинских поэтов. Я тогда вспомнила рассказ мамы, Верико Анджапаридзе, о военном времени, когда МХАТ был эвакуирован в Тбилиси, и дни и ночи напролет у нас гостили Василий Качалов, Ольга Книппер-Чехова, Иван Москвин. Тогда на столе не было ничего — только вода и хлеб. Но они проводили дивные вечера, читали стихи, монологи из спектаклей. И так любили друг друга! Приезд Жени, наши вечера «на хуторе близ Диканьки», продолжили эту традицию любви.

ЧАБУА АМИРЭДЖИБИ:

— Мало кому довелось жить такой плодотворной жизнью, как Евгению Евтушенко. Бог одарил его многогранным ярким талантом, а главное — всепокоряющей харизмой. Грузия всегда считала его ближайшим другом как

по личностным, человеческим, так и творческим качествам — поэтом, обладающим великим чутьем прекрасного и бессмертного. Думаю, Евгений Евтушенко не только обладает огромным влиянием на современную русскую поэзию, но и во многом определил ее будущее. Такие люди живут долго и плодотворно, чего я и желаю ему как брату по духу и Великому Гражданину мира Поэзии.

РЕВАЗ АМАШУКЕЛИ:

— Женя часто звонил ко мне, обращался с какими-то просьбами. Так, однажды попросил принять американских литераторов Боба Дилана, Джеймса Райана и Роберта Блая. Конечно, мы проявили к гостям много внимания. Боб Дилан родом из Одессы, там похоронена его бабушка. Он хотел посетить ее могилу, однако Союз писателей СССР отказал в этом Дилану. И мы тайком отправили его в Одессу из Тбилиси. А однажды к нам обратился по рекомендации Жени заведующий отделом культуры ЦК КПСС Василий Шауро. Изложил суть дела: «Китайские литераторы уже два десятилетия не подписывают договор с Союзом писателей СССР. Вся надежда на вас! Вас рекомендовал мне Евтушенко!» Тогда я был секретарем Союза писателей Грузии... Женя приехал в Тбилиси вместе с китайцами. Отправились в Кахети. Устроили застолье, за которым тамадой был один из китайских гостей. В итоге договор был

подписан — в Кахети.

Как-то Евтушенко пригласил меня с женой и поэтом Андреем Дементьевым в Абхазию, на свою дачу в Гульрипши. Поэт уверял, что недалеко от дома он обнаружил гейзер. И буквально заставил туда пойти. Все искупались в гейзере. А я сказал: «У всех великих поэтов звезды, а у тебя — гейзер!» Женя был очень доволен.

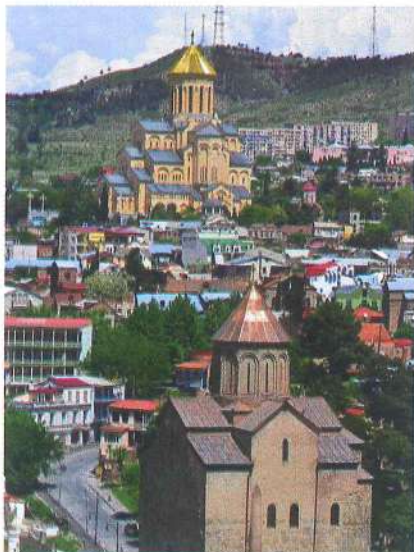
ДЖАНСУГ ЧАРКВИАНИ:

— Нас связывала многолетняя дружба. У открытого внутреннего мира Евгения Евтушенко есть свой космос, что не является недоступным для читателя. Поэта на все времена кто-то почему-то считает творцом определенного времени — в отличие от «вневременных» Шота Руставели, Галактиона Табидзе, Александра Пушкина, Бориса Пастернака. К счастью, знаю Евгения Евтушенко как поэта на все времена. Он действительно ясновидящий и предвестник будущего. Он хорошо знает тебя? Значит, он знает твоих предков и потомков. Хочу вспомнить один маленький отрывок из письма Евгения Евтушенко, которое он написал мне более тридцати лет тому назад: «Недавно навестил Нодара Думбадзе. Неожиданно в комнату вошла не знакомая мне женщина, ее строгость, суровые черты лица что-то напомнили мне. Спросил, не сестра ли это Джансуга Чарквиани? Да, я оказался прав!» Разве это

не поразительно? Насколько хорошо должен знать тебя человек, чтобы разглядеть твой характер в сестре?!

МЗИЯ ХЕТАГУРИ:

— Мы познакомились еще в 70-е годы, в Дни Маяковского в Грузии — они в тот период регулярно проводились в Багдати. Помню, когда началась перестройка и был принят сухой закон, на традиционных торжествах, посвященных Маяковскому, нельзя было пить, очень боялись подать к столу вино. И застолье было, так сказать, безалкогольное. Все смеялись: грузинское застолье, и без вина? Нонсенс! Евтушенко сочинил двустушие: «Наш банкет без «Хванчкары» — как Тбилиси без Куры!» Джансуг Чарквиани был в гневе: «Пусть меня убьют, но мы достанем вина! Беру это на себя!» А Евтушенко поддержал: «Скажете, что мы это вместе сделали! А ее (он указал на меня!) угостили!». Мы с Евтушенко и в дальнейшем поддерживали дружеские отношения. Это редчайший, гостеприимный человек! Когда гость приезжал к нему в Москву, он брал на себя угощение. Был в этом широк. Однажды пригласил меня и поэта Татьяну Брыксину к себе, в московскую квартиру, в которой была «грузинская» комната — настоящий музей! Чего там только не было — книги, афиши, посуда, роги... Это была маленькая Грузия!

возит, строит, метет все улицы окрест, ботинки шьет, канавы роет, — все это утром хаши ест!» — следуя традиции отцов и дедов.

В стихотворениях этого цикла Евтушенко активно использует грузинскую лексику: «Аба, давлѣот!», «Аллаверды», «Инди, минди, перадинди», «квеври», «марани», «пери»; лексику, отражающую грузинские реалии — названия вин: («Мукузани», «Киндзмараули», «Саперави», «Маджари» — «Грузинские вина», «Дмитрий Гулиа»), фруктов, овощей (мушмула, хурма, баклажан — «Нанду»), названия национальных кушаний, кухни и производные от этих названий («хаши», «хашная», «бесхашно», «хинкальные», «мацони», «мацончик», «купат», «чурчхела», «лаваш» — «Хашная», «Мой Тбилиси», «Мацони», «Хозяин Тбилиси», «Пушкинский перевал»); лексику, отражающую историко-культурные реалии (карачохели, кинто, духаны — «Мой Тбилиси»,

«Звезда Гудиашвили»), географические названия, названия церквей и т.д. (Мцхета, Сигнахи, Кашуэты, Мтацминда — «Звезда Гудиашвили», «Мой Тбилиси»), имена исторических деятелей, философов и мифологических героев (Георгий Саакадзе — «Броня», Спартак, Язон, Платон, Сократ — «Горная дорога»). Это — рецепция грузинской традиции, культуры в творчестве Евтушенко.

«ДЫША ТУМАННОЙ ТАЙНОЙ...»

Евгений Евтушенко воспринимает Грузию как нечто вечное и бесконечное — то, что было, есть и будет. О Тбилиси поэт написал так:

Здесь и в руинах
кроется решимость,
В разрушенности
есть неразрушимость.

«На первый взгляд, кажется, будто поэт говорит о руинах крепостных сооружений — свидетелях борьбы жителей Тбилиси с иноземными захватчиками. Но не только. Он говорит о вечной способности Старого города вставать из руин, как бы вырастая над ними, когда стены и башни крепостных сооружений могут стать фундаментами жилых домов, и кажется, что созидание берет верх над разрушением» (Филимонов А. Тени старого города (Екатеринбург — Тбилиси: приглашение к диалогу). Золотые врата Урала. Екатеринбург, 2001. www.zovu.ru/1s/Gr2.htm — 36к).

В стихотворении «Мой Тбилиси» столица Грузии предстает вечным городом «выше бурь и пауз». О неразрывности времен поэт говорит и в зарисовках «Мацони», «Грузинская застольная», «Хашная». Он постоянно ощущает это на улицах города. При чем прошлое и настоящее сосуществуют — в параллельных мирах, что создает особую ауру, тайну Тбилиси.

У звуков есть призвуки.
У криков есть призраки.
Тбилисская джинсовая молодежь,
в тебе —
от героев холстов Пиросмани —
ни признака,
и все-таки ты,
для себя незаметно,
идешь
вдоль призраков, призраков.
И карачохели,
и рваный кинто,
в другом находясь измереньи,
глядят на тебя, молодежь,
в изумленье
крестятся —
что-то не то.
Грузинская пери
жует чуингам.
Играет потомственный князь
в общегиттии
на саксофоне,
но призраки криков
бредут через уличный гам:
«Мацони...
мацони...
мацони...»

Мацони, традиционный элемент национальной кухни, упоминается и в других, «негрузинских» текстах Евтушенко — например, в стихотворении «Любимая, спи»:

Представь:
просыпаемся.
Свежесть во всем.
Мы в сене.
Мы сони.
И дышит мацони
откуда-то снизу,
из погреба, —
в сон.

Екатеринбургский историк и краевед Александр Филимонов в своих любопытных размышлениях пред-

лагает необычную, эзотерическую трактовку стихотворений тбилисского цикла, в частности, — «Мацони»: «В стихотворении Евгения Евтушенко миром незримых сущностей, вносящих особый смысл в существование современных тбилисцев, являются незримые тени, призраки жителей старого города. То «измеренье», в котором они существуют, в полном соответствии со словами поэта, мы можем также назвать «миром призраков и призвуков». Предназначение «мира призвуков» (мира «чуть») — связывать нас духовно с окружающей нас реальностью: «Когда на губах чуть мацони кислит, с грузинской землей ты нечаянно слит». Особое внимание в этой строке я хотел бы обратить на слово «нечаянно». «Нечаянность» в традиционной системе грузинского мироздания — главная характеристика воздействия на людей тонкого, неосоздаваемого мира, мира небесных обитателей. Все, что делают боги, — как высшие, так и низшие, — они делают как бы играя, — ведь они, а не мы, люди, господа («батонэби») Вселенной. Эта нечаянность со стороны богов и готовность к восприятию ее как данности со стороны людей, в рамках грузинской народной традиции, одинаково можно рассматривать в качестве признаков благородного стиля».

Проблему соотношения двух миров — мира чисто умозрительных начал и мира реальных, осязаемых сущностей — Е. Евтушенко в своем стихотворении увязывает с проблемой соотношения настоящего с прошлым и будущим, считает А. Филимонов. «С одной стороны, у него прошлое и настоящее «открещиваются» друг от друга («и карачохели, и рваный кинто, в другом находясь измереньи, глядят на тебя, молодежь, в изумленье, и

шепчутся: что-то не то»). Вина в этом не столько «настоящего», сколько «прошлого». Ведь «настоящее» от природы слепо, поскольку слишком занято само собою, в то время как прошлое обладает способностью видеть или, по крайней мере, прозревать настоящее, но не находит в нем самого себя, то есть своего «будущего». Оценивая такую ситуацию, мы могли бы констатировать, что возможность иметь будущее напрямую зависит от способности «настоящего» видеть «Я» и «Не-Я». А пока этого нет, настоящее, ставшее прошлым, и новая эпоха обречены на параллельное сосуществование. Абсурд, подменяя собой мистику времени, вступает в свои права («грузинская перижует чуингам, играет потомственный князь в общежитии на саксофоне»). Поскольку прошлое самодостаточно, то в чем спасение? Оно устает само от себя, ему тяжело оставаться прошлым. Настоящее же погрязает в своих повседневных дрязгах».

По мнению А. Филимонова, Е. Евтушенко близко подошел к представлению значения «тонких сущностей» в жизни человека, характеризующего грузинскую народную культуру.

Бродя по улицам Тбилиси, поэт пытается разгадать тайну города. Тбилиси не всем, не сразу и не до конца открывает себя... Это всем своим существом ощущает поэт, обладающий способностью чутко воспринимать, слушать и слышать.

«Знак времени есть нечто тонкое, трудноуловимое, тень. Но он вечен, а плоть, камень, кирпич — преходящи. Верность прошлому — это, прежде всего, умение сосуществовать с «миром теней» и сохранять в новых обстоятельствах приверженность определенному стилю. Для города, как живой системы, знак прошлого есть

всегда ощущение «легкой тайны», — пишет А. Филимонов. — Таким ощущением продиктованы следующие строки Евгения Евтушенко:

Дыша туманной тайной,
тайной доброй
ночь в небо подниматься начинала,
и месяц апельсинового долька
повис,
покачиваясь,
на чинарах.
...Тбилиси,
друг ты мой давешний,
спасибо —
нет, не за то,
что славно пью и ем.
За то, что ты умеешь так красиво
открыть себя,
но все же не совсем.

Среди тбилисских зарисовок Евтушенко есть, на первый взгляд, безыскусное, но прелестное стихотворение «Фонтанчик для питья». Однако А. Филимонов и здесь пытается заглянуть в глубины и анализирует поэтический опус через призму древних верований грузин, старается разгадать его истинный смысл, скрытый за простой, казалось бы, формой и таким же содержанием.

Вряд ли Евгений Евтушенко представлял, что его поэзию можно трактовать в эзотерическом ключе. Однако настоящий художник, обладая, как говорят, способностью на бессознательном уровне отражать явления, скрытые от поверхностного взгляда (о природе творчества спорят тысячелетия!), может создать произведение, в котором зашифрованы тайные смыслы. Нередко в лексике «грузинской» поэзии Евтушенко мы находим слово «тайна» — тайну, загадку Грузии, ее народа и пытается постичь Евтушенко. Для него манящая тайна все — и

природа, и обычаи, и люди.

В творчестве Евтушенко Грузия — часть Вселенной, огромного мироздания — Космоса. Выделяются пространственные координаты: «Небо — Земля». Тбилиси так прекрасен, что на него «звезды засмотрелись». Поэтому важна эта вертикаль: Небо — Земля. Это тему Е. Евтушенко развивает в стихотворении «Земля грузин».

Земля грузин, ты так мала!
Не тыщевеерстным протяженьем
Могуча ты, — а притяженьем
И человека, и орла.

«Каждый сван подобен сванской башне»: в этом образе сочетание земной силы, земного притяжения и устремленности ввысь. В своей работе «Парадигма идейно-эстетических взглядов Евгения Евтушенко» В. Прищепа пишет о том, что для творчества поэта характерны «переливы разнообразных земных и небесных, космических мотивов».

Особое, эзотерическое значение обретают у Евтушенко такие понятия, как «горы», «вершины». Подобно поэта минувших времен, Евтушенко «за хребтом Кавказа» тянется к «высокогорному дыханию», духовности. Если у Пушкина доминантой является тема Вольности, то Евтушенко, прежде всего, ищет здесь нравственную чистоту — в любви, дружбе, человеческих взаимоотношениях (вспомним: «С любой фальшивой высоты... меня притягиваешь ты», «Свободный от уз и клевет я запахом трав одурманен, и брат мой — грузинский крестьянин и брат мой — грузинский поэт», «в горах ни корысти, ни гнева нет места — все небом полно»).

Отправляясь в горы, Евтушенко «к небу торопится в гости» (стихотворение «Горная дорога»). Путь на

вершину — это для поэта движение в историю, мифологию, культуру — в вечность — и к самому себе. И вместе с ним восхождение совершает сам Господь — «тот незабвенный, который со всеми идет, кто идет».

Г. Гачев связывает горы с ментальностью грузин, дышащих небом даже в низинах. Отсюда — легкость души. Это состояние легкости ощущает в горах (не только в горах, но и на море) и Евгений Евтушенко, сравнивая себя с античным богом, размышляя о вечном.

«ГОРДОСТЬ НЕРАЗМЕННАЯ ГРУЗИН»

Грузия для Евтушенко — это не только богатство культуры, традиций, красота природы, но и — сегодняшние люди, которые творят прекрасное и вечное, хранят традиции и развивают их. Поэт создает портретную галерею ярких личностей... Герои его поэзии — спортсмены: Давид Кипиани «с гордостью неразменной грузин» и Гайоз Джеджелава «с изяществом грузинским», легендарный Митрофан Лагидзе, создатель всемирно известных безалкогольных прохладительных напитков, художник Ладо Гудиашвили, «изобразивший» на стене церкви Кашуэти «людей, которые грешили, а не витали в вышине», цветовод и талантливый человек Михаил Мамулашвили, владевший «искусством составления букетов», погибший альпинист Михаил Хергиани, «хозяин Тбилиси» — известный архитектор...

Евтушенко восхищается лучшими, талантливыми представителями свобододолюбивого народа, грузинской интеллигенции. В этом проявляется и такое свойство личности Евтушенко, как огромный интерес к людям, их неповторимости, жадность к новым впечатлениям. Более того — поэт хочет быть в чем-то похожим на тех, кого считает человеческим идеалом.

«Было время, когда нами любовались, создав какую-то свою, немножко идеализированную модель рыцарственного, щедрого, широкого грузина», — говорит главный редактор журнала «Дружба народов» Александр Эбаноидзе в интервью автору этих строк — с ностальгией о прошлом.

Важно, что каждая личность, с которой общается поэт, помогает ему разобраться в самом себе — своих мыслях, чувствах, чему-то научиться, что-то в себе преодолеть. Так, пример спортсмена Гайоза Джеджелава научил Евтушенко пробивать непрошибаемые, казалось бы, «стены», стремиться попадать в цель, а старейший грузинский цветовод Михаил Мамулашвили — в очередной раз осознать, что «в искусстве коммерсанта нет прощения», суть искусства — «дерзость совмещения казавшегося всем несовместимым».

Поэт откровенно любит своих героями. Но рассказ о конкретных людях — часто повод для каких-то публицистических выводов, дидактических пассажей, рассуждений, обобщений. Происходит взаимопроникновение лирического и публицистического начал.

Так, рассказ о гибели альпиниста Михаила Хергиани перерастает в гневный выплеск против подлости и предательства некоторых людей, сильнее которых, тем не менее, — таинственная тяга человека к высоте.

В одном из шедевров Евтушенко — стихотворении «Лучший гол Кипиани», посвященном легендарному футболисту, отражен урок нравственности и собственного достоинства. Как обычно у Евгения Александровича, в основе этого стихотворения — реальная история. В ней и раскрывается герой — Давид Кипиани, забивший в нестандартной и отнюдь не спортивной ситуации свой самый лучший гол (по образному выражению автора). После прошедших в 1976 году матчей Кубка УЕФА между футбольным клубом «Кардифф-сити» и «Динамо» (Тбилиси) футболист, как говорят, «поставил

на место» президента «Кардифф-сити», попытавшегося передать ему в качестве сувенира пятифунтовую бумажку. «У грузин есть твердая валюта — гордость неразменной грузин!» — ответил Кипиани.

Со многими своими героями Евтушенко находился в близких, дружеских отношениях. Один из них — выдающийся художник Ладо Гудиашвили.

Посвященное ему стихотворение «Звезда Гудиашвили» по жанру — любимая поэтом публицистическая лирика, эмоциональное размышление о сущности подлинного искусства (оно «не лжет никому на земле»).

Наши звезды из нас вышибают,
На предсердье от них — волдыри,
и печенку, дымясь, выжигают
звезды, вскрикивающие внутри.
Настоящий художник извелся —
Он ступает по звездной золе,
Только те превращаются в звезды,
Кто не лжет никому на земле!

В одном из интервью поэт вспоминает: «Я дружил с Ладо Гудиашвили, великим художником. Когда познакомился с Ладо, еще в 1955 году, он был в большой опале. И я написал, посетив церковь Кашуэти, стихи о нем. Для того чтобы напечатать это, я предпринял такой трюк веселый. Я сообщил редакции «Комсомольской правды», куда отдал стихи, что Ладо Гудиашвили — средневековый художник, который расписал церковь Кашуэти. И якобы эта роспись не понравилась духовенству и поэтому не была закончена. Когда это напечатала «Комсомольская правда», вся Грузия улыбалась и смеялась, но была счастлива. И вот тут, после этого стихотворения, в

судьбе Гудиашвили случился перелом. Уже некуда было отступать, и начали делать его большие выставки».

Не менее известно еще одно стихотворение поэта, посвященное Ладо Гудиашвили — давний шедевр «В церкви Кашуэти». В нем от размышлений о сути творчества грузинского живописца Евтушенко выходит на уровень художественного обобщения, философских размышлений. Ладо Гудиашвили — в ряду тех гениев, которые «дурили головы господ»:

Мы ухитрялись брать заказы,
а делать все наоборот.

При этом автор в «публицистическом» пылу, быть может, приписывает творениям художника большую свободу от так называемых религиозных догм, большую «грешность», витальность, чем это есть на самом деле. Это отметил Нугзар Цховребов в своей статье «Улыбка фрески»: «Впечатления поэта, конечно же, субъективные — скорее это личное восприятие, сочетающееся с вольным полетом воображения, не отвечающее подлинным чувствам художника: создатель фресок был движим чувствами куда более благочестивыми» (www.darial-online.ru/2004_1/tsxovreby.shtml - 32k). Но это вполне объяснимо, если исходить из контекста эпохи. Романтик-социалист, как называет себя поэт, и не мог увидеть во фресках Гудиашвили благочестивые мотивы.

О том, как родилось это стихотворение, вспоминает Борис Гасс:

«Одной из достопримечательностей Тбилиси считается церковь Кашуэти. Согласно легенде, вошедшей в «Житие Грузии», в древние

Евгений Евтушенко и Джумбер Беташили

времена там был монастырь, приютивший некую грешницу. Верная себе, она умудрилась забеременеть и в монастыре. Завистники обвиняли отца Давида в прелюбодеянии. Разъяренный праведник подошел к блуднице и крикнул ей в живот: «Отвечай, я ли твой отец?» К общему удивлению из утробы послышался голосок: «Нет, нет и нет!» Богопротивная монахиня вскоре родила... не ребенка, а камень...

Уже в наше время гонимый властями художник Ладо Гудиашили разрисовал Кашуэти настолько земными фресками, что один из пред-

ставителей духовенства, посмотрев на росписи, воскликнул: «Где же святые? Кругом одни грешники!»

Евтушенко побывал в той церкви, долго любовался фресками, которые и внушили ему одно из лучших стихо-творений грузинского цикла».

В поэме «*Просека*» Евтушенко создает обобщенный, собирательный образ грузин — появляется еще один неологизм: «грузинство». У поэта возникают ассоциации с «Витязем в тигровой шкуре». Рождаются и аллюзии, связанные с лермонтовским «Мцыри», его известной строкой «бежали робкие грузины». Евтушенко, описывая мужественное поведение грузин в борьбе со стихией, как бы полемизирует с Михаилом Лермонтовым: «бежали робкие пожары от наших доблестных грузин».

Шагая даже по трясинам,
Грузин останется грузином!
Как и всегда, был на большой
гостеприимный дух грузинства,
а из семян всходила киндза
в обнимку с нашей черемшой.
О витязи в медвежьих шкурах,
изящные на перекурах!
Когда их треском грозovým
пожары пламенем прижали —
бежали робкие пожары
от наших доблестных грузин.

«Я ДРУГА ПОТЕРЯЛ...»

Особая страница творчества Евгения Евтушенко — стихотворения, посвященные близкому другу — Джумберу Беташили. Он был управляющим делами Совета Министров Абхазии, а во время войны 1992-1993 гг. был назначен секретарем Совмина. Беташили расстреляли 27 сентября 1993 года на окраине Сухуми.

«Он был высок, красив, умен и смотрел на мир добрыми, веселыми глазами. Вот если бы так, как он смотрел на людей, знакомых и незнакомых, на соплеменников и иноплеменников, на горы и море, на леса и степи, смотрели все, кто живет на нашей грешной земле, уверен, давным-давно не было бы ни насилия, ни ненависти, ни грабежей... Поэты России любили, ценили Джумбера. Евгений Евтушенко посвящал ему свои стихи, Александр Межиров в семье Джумбера отпраздновал свое пятидесятилетие. Ему читала Белла Ахмадулина и пел Булат Окуджава», — вспоминал писатель, журналист Тимур Гайдар (Страницы памяти. О Джумбере Беташили, поэзии и интернационале. Мэриури солнечный. №9, 1995).

Познакомил Джумбера и Евгения Евтушенко Автандил Сакварелидзе, и они сразу стали друзьями. Евгений Евтушенко посвятил Джумберу Беташили сборник стихов, который начинался известными стихами: «О Грузия, нам слезы вытирая, ты русской музы колыбель вторая...».

В своем выступлении на вечере памяти Беташили поэт отметил, что Джумбера всегда за что-то благодарили, а он обычно отвечал: «Не за что!» Многим запомнились слова, сказанные Евтушенко во время застолья: «В одном романе я написал, что если бы мне можно было бы воскресить одного человека, то я воскресил бы Александра Сергеевича Пушкина. Так вот, если Господь разрешил бы мне воскресить еще одного, то это был бы Джумбер Сергеевич Беташили. XXI век нуждается именно в таких людях. Джумбер Беташили доказал своим примером, что будущий человек — это тот, кто

прежде всего любит свою родину, свой язык, врос глубоко в родную землю. Такой человек вырастает из родной земли и становится подобным дереву, чьи ветви обнимают воздух всего человечества. Вот такими должны быть люди будущего. Я хотел бы, чтобы таких людей в XXI веке было больше!».

Тимур Гайдар подчеркивал особую миссию Джумбера Беташили в историческом многовековом диалоге России и Грузии: «Бог мой, сколько российских гениев и высоких поэтических талантов черпали в Грузии вдохновение, скольким помогла и скольких утешила она в их нелегкой, а еще чаще трагической судьбе! И эта удивительная связь негромко, но естественно и зримо проявилась в жизни Джумбера, одного из достойнейших сыновей Грузии. Вот почему, вспоминая о нем, нельзя не думать о духовности и душе двух народов — ведь ясно, что не только экономические, не только политические интересы, но и нечто высшее всегда, несмотря на ошибки, несправедливости, а порой и преступления правителей, влекло и влечет Россию и Грузию друг к другу».

«Нечто высшее» влекло друг к другу Джумбера Беташили и Евгения Евтушенко. Отношениям друзей посвящены стихи врача Вано Мгалоблишвили, пронизанные горечью и ностальгией по безоблачному, счастливому прошлому: «Изабелла бродит в чанах древних селений./ За гитарой Джумбер, со стихами Евгений./ Пирс обласкан шелками вечернего бриза./ Рифмой русской души стих грузинский унизан./ И не слышен прерывистый пульс маяка./ Все пьяны от любви, влюблены от стиха./ А маяк надрывался, предчувствуя

кровь./ Слезы жен, вопль старух, безысходную боль.../ Кипарисы дымят, как потухшие свечи./ Там Джумбера мотив, здесь Евгения речи...». Публикуется впервые.

В архиве Нелли Беташвили, вдовы Джумбера, сохранился шуточный поэтический диалог Евгения Евтушенко и его сухумского друга, тоже сочинявшего стихи. Неопубликованное стихотворение Евгения Евтушенко называется «Дополнение к «Джумбериаде» и датировано 5 ноября 1979 года. В нем поэт называет Беташвили «факиром полев и СВ, всех телефонных книг читателем, со всей вселенной в голове» и советует ему «бежать от всех» и «плюнуть на настольный календарь». В своем ответе Джумбер Беташвили (датирован 14 ноября 1979 года) сохраняет такой же непринужденный, дружеский, шуточный тон.

Один случай, о котором рассказала Нелли Беташвили, произошел за несколько лет до абхазских событий: «Евтушенко приехал в Сухуми, и как раз в это время был напечатан печально известный рассказ Виктора Астафьева «Ловля пескарей в Грузии». Возмущенный поэт написал письмо протеста и просил Джумбера отвезти его в Москву. Джумбер не смог, и письмо повезла я».

Гибель друга, война в Абхазии 1992-1993 гг. стали для Евтушенко огромным потрясением. Он посвятил этим трагическим событиям два пронзительных стихотворения — «Джумберу Беташвили» (1994), позднее переведенное на грузинский Джансугом Чарквиани, и «На смерть грузинского друга» (1995). Это настоящие поэтические шедевры, написанные кровью.

Стихотворению «Джумберу Беташвили» (1994 г.) предшествует

автограф: «Крестному отцу моего сына, отцу трех дочерей, потерянно-му без вести во время бессмысленной абхазско-грузинской войны». В нем поэт вновь создает образ идеального грузина. Герой его стихотворения — «самый красивый из всех людей и даже из всех грузин», принявший мученическую кончину «не горбясь». Евтушенко подчеркивает свое духовное родство с погибшим, сопричастность огромной трагедии:

Что было потом?
Самосуд?
Расстрел?
Но, может быть, ты еще жив?
А я, как мой дом в Гульрипши,
сгорел,
лишь похороны отложив.
А я за тебя остался, Джумбер,
в еще не погасшем огне,
и дыма сожженного СССР
из легких не выкашлять мне.

(Цит. по сайту <http://ev-evt.net/stihi/d/djbeta.php>).

Евтушенко рисует страшную картину Сухуми периода братоубийственной войны:

Сухуми, который ты так любил,
Теперь превратился в ад,
и память о всех поцелуях разбил
на сжатых губах приклад.
Лишь с причитаньями
чья-то жена
кинулась от ворот,
и мандаринную дольку она
вложила в распухший рот.
И только прощально скрипнул
причал,
где в «Амре» нам пел Альбин,
и только отчаянно закричал
под чьим-то кинжалом павлин.

«Кинулась от ворот», «отчаянно закричал» — эти словосочетания передают психологическое состояние, ужас людей, вовлеченных в кровавое противостояние. Дважды использованное «и только» — параллелизм — усиливают ощущение трагизма и неотвратимости происходящих событий.

Как всегда, поэт переходит к публицистическим обобщениям, сожжение дома в Гульрипши становится символом широкомасштабного пожара, охватившего все постсоветское пространство:

Мы все — погорельцы.
Мы — крики в ночи.
Я выжил. С ума не сошел,
но страшновато бренчат ключи
от дома, который сожжен...

Понятие дома в данном случае тоже расширяется: это не просто и не только конкретный дом поэта в Гульрипши — это тысячи уничтоженных домов и погибших людей. И это — «сожженный СССР».

Через год Евтушенко вновь обращается к этой теме — в стихотворении «На смерть грузинского друга» (1995). Это предельно жесткое, отчаянное поэтическое высказывание. Здесь поэт по-другому говорит о судьбе развалившегося Союза, словно полемизируя с самим собой прежним, сожалеющим о «сожженном СССР». Теперь для него гораздо важнее потеря друга, нежели развал страны:

Я друга потерял,
а вы мне о стране.
Я друга потерял, а вы мне о народе.
На черта мне страна,
где лишь цеха в цене,
На черта мне народ,
где рабство и в свободе.

(На смерть грузинского друга. Литературная газета. N24, 15 июня, 1995).

Параллелизмы усиливают страстность, надрывность поэтической исповеди.

Евтушенко жалеет не о потере государства, а о распаде отношений между людьми, народами. «Нам нелегко теперь найти по голосам», — сетует Евтушенко. И вновь возвращается к теме взаимоотношений с погибшим другом — для него они превыше всего, говорит об особой духовной близости между собой и Джумбером Беташвили, утверждает приоритет ценностей дружбы:

Я был немножко им,
он был немножко мной.
Его не продал я,
и он меня не продал.
Страна — друг не всегда.
Он был моей страной.
Народ — неверный друг.
Он был моим народом.
Я русский. Он грузин.
Кавказ теперь как морт.
Идет людей с людьми
бессмысленная битва.
И если мертв мой друг,
народ мой тоже мертв,
И если он убит —
страна моя убита.

В газете «Мзиури солнечный» был напечатан материал Евгения Евтушенко «Завещание Джумбера Беташвили». В нем поэт вновь говорит о своем отношении к погибшему: «У меня в жизни не было друга, которого я бы любил больше, чем Джумбера Беташвили. Должность его в Совете Министров Абхазии была довольно прозаическая — административно-хозяйственная, но он был поэтом жизни, обожающим

Ностальгия

людей и жизнь во всей ее неповторимой радужности. Он был бессребреником, зато золотой души человеком. Он делал счастливыми всех вокруг себя, хотя, может быть, жене его было непросто, ибо он так щедро раздаривал всем свое время, что его почти не оставалось для семьи. Он был прирожденным интернационалистом, и во время войны выручал не только грузин, но и русских, и абхазцев, руководя эвакуацией детей и женщин. Свою жену он эвакуировал в последнюю очередь...» (Завещание Джумбера Беташвили. Мзиури солнечный, №9, 1995).

В новой реальности, так не похожей на прежнюю, Евтушенко глубоко переживает «разобщенность близких душ». Не все связи с грузинскими друзьями сохранились...

С болью воспринял Евтушенко известие о кончине Отара Чиладзе

(поэт ушел в 2009 году) и позвонил в Тбилиси, чтобы выразить свое сочувствие грузинскому народу: «Когда я узнал, что нет Отара, из меня как будто вынули мою собственную юность, часть меня самого, ибо этот великий поэт для меня был Грузией, ее поэзией, ее природой, ее песнями и самыми гостеприимными в мире традициями. Так тяжело сознавать, что мы уже никогда не увидимся. Тем не менее я надеюсь, что та трагедия, которая происходила и продолжает происходить между нашими государствами, никогда не перейдет во взаимную ненависть наших народов и поэзий. Если не мы, то наши дети все-таки будут любить и понимать друг друга, как мы когда-то понимали друг друга, как понимали друг друга Отар Чиладзе и Евтушенко, как понимали друг друга Пастернак и Ладо Гуди-

ашвили и многие другие грузины. Прости меня и всех нас, дорогой Отар, за то, что меня сегодня нет перед прощанием с тобой. Прости... Я тебя никогда не забуду. Я буду тебя всегда помнить...». Эти слова нельзя читать без волнения.

Среди тех, кого Евтушенко вспоминает в поздние годы своего творчества, — «грузинский Атос» Чабуга Амиреджоби. В стихотворении «Боржом» (2006), посвященном дальнейшему осложнению грузино-российских отношений, поэт пишет:

Как я друга другого такого найду
на земле и на небе
Вместо Чабуга Амиреджоби?

А спустя восемь лет, в 2014 году, посвящает памяти ушедшего из жизни автора «Даты Туташиа» последнее свое «грузинское» стихотворение-воспоминание «Девяносто девять хула-хулов», пронизанное щемящей ностальгией. Как всегда, в основе — давний случай в Гаграх, внезапно всплывший в памяти поэта подобно комете. Для автора это очень дорогие, можно сказать, жгучие воспоминания о счастливых днях, когда рядом был близкий по духу человек — Чабуга Амиреджоби, разделявший его интересы и увлечения, когда была молодость и бурлила кровь, когда поэт всем своим существом откликнулся на любовный призыв незнакомой женщины: желание захлестнуло его как морская стихия...

Евтушенко вновь создает картину Рая:

Это ж надо — выпало мне в небе
ухватить счастливую звезду,
будто с Чабуга Амиреджоби —
с лагерной легендой — иду.

Мало ль было, что ли, чудных ночек,
я их не забуду никогда,
только таяет вновь на огонечек —
может, он и есть моя звезда.

Запахи магнолий так магнитны —
что-то листья шепчут в полумгле, —
может быть, самой земли молитвы,
чтобы счастье было на земле...

Это были последние поэтические строки Евтушенко, посвященные любимой Грузии...

«НИЧТО НЕ ВОЛЬНОСТЬ, ЕСЛИ ЛЮБИШЬ...»

Особая сторона творчества Евтушенко — переводы стихов современных ему грузинских поэтов, со многими из которых его связывали дружеские отношения.

Наиболее активный период переводческой деятельности поэта приходится на конец 50 — начало 60-х годов. А в 1958 году выходят в свет два сборника Мухрана Мачавариани в переводе Евгения Евтушенко, в 1959-м — «Лук и лира. Стихи о Грузии. Переводы грузинских поэтов», вышедший в издательстве «Заря Востока».

В 1960 году по поводу переводов Евтушенко на страницах «Литературной Грузии» развернулась бурная полемика. «Каковы же размеры допустимых отклонений, пределы творческой свободы?» — этим вопросом

задается Л. Хихадзе, анализируя «вольные» переводы Евушенко в своей статье «Переводчик или автор?» (Литературная Грузия, N1, 1960). Сравнивая стихотворение Ш. Амисулашвили «Мама» и его евушенковский перевод, автор критической публикации приходит к выводу, что «общими в подлиннике и переводе являются только две детали — «благословение матери» и «русская винтовка».

Критик М. Заверин отвечает на это заголовком своей статьи: «Нет, в одной книге и переводчик, и автор». «Из чего исходит Евушенко в своих переводах? Прежде всего, из абсолютной веры в неограниченные возможности родного языка и в то же время из понимания того факта, что нет двух даже близких языков, внутренние законы которых не разнились бы в чем-то существенном. Да, материал строительный у всех по-

этов мира один и тот же (язык) и одновременно несхожий (особенности разных языков). Отсюда — важнейший декларируемый тезис: перевод не имеет ничего общего с заурядным копированием» (Литературная Грузия, N2, 1960).

Позднее М. Заверин продолжил эту тему в своей статье «Многообразие творческих путей и искусство перевода» (Искания и принципы. Тб., 1962), в которой дал точное определение методике Евушенко-переводчика: «Он опирается на абсолютное признание перевода — творчества, источником которого всегда является и может явиться только жизнь, отображенная, своеобразно сконденсированная в сознании писателя. Он словно не считает с тем, что жизнь для переводчика дана уже в виде готового образа, несущего печать своего создателя и закрепленная в художественной форме. А раз стихотворение для него — сама жизнь, то он, поэт, не может оставаться равнодушным, ступешаться, не высказать своего восприятия жизни, своего отношения к ней (Евгений Евушенко признавался: «Если я перевожу какое-нибудь стихотворение, значит, оно мне нравится, а если оно мне нравится, я как бы внутренне его считаю своим. Поэтому мои переводы это в то же время и мои стихи, очень дорогие для меня, и, может быть, еще более дорогие, чем просто мои»)».

Георгий Маргвелашвили, также принявший участие в полемике на страницах «Литературной Грузии», дал высокую оценку переводческой работе Евгения Евушенко и Беллы Ахмадулиной, «за последние годы потрясших читателя своими «открытиями» в грузинской поэзии. Грузинская советская поэзия, ко-

торая дважды была до этого «открыта» — сначала поэтами старшего поколения, а затем — Межировым, Лукониным и другими и к которой, казалось бы, уже привык читатель, навсегда ее полюбивший и чуть ли не до конца познавший, — вдруг зажила новой трепетной жизнью, обернулась скрытым ликом, вновь обрела неуываемую молодость. Такие чудеса может творить только любовь. Новая любовь — обновляющая, возрождающая, возвышающая... А поэзия-то способна на взаимность! Она отвечает любовью на любовь, страстью на страсть, дружбой на дружбу. Так рождаются стихи, а не «просто переводы», так утверждают «права», а не просто «правила», так свершается воля, а не просто вольничанье. Таковы переводы Евушенко и Ахмадулиной» (Творчество перевода. О романтичности перевода Е. Евушенко. Литературная Грузия. N3, 1960).

В то же время Маргвелашвили считает, что удачные, «верные» переводы, которые критик называет «романтическими», появляются в том случае, когда Евгений Евушенко действительно любит поэта. «И он почти всегда вольно или невольно изменяет, когда заставляет себя полюбить; дотрагиваясь до нелюбимой строфы, он как бы закрывает глаза и воображает на ее месте другую, любимую. Иногда он бежит от нее, иногда старается приукрасить, чтобы хоть как-то оправдать свою с ней связь. Но если уж поэт действительно любит, он сразу, мгновенно, постигает душу «чужой» поэзии, угадывает ее чувства и мысли, схватывает на лету, понимает все с полуслова, до боли остро видит еле заметное, до боли резко слышит еле слышимое. И тут «ничто не вольность», потому что все от любви, от понимания, от пости-

жения, от озарения».

Критик Станислав Рассадин анализирует своеобразную природу грузинского стиха, что, по его мнению, создает известные сложности для переводчика: «Грузинская поэзия по самому своему строю отличается от русской. Она, что ли, романтичнее — не только потому, что в ней более строго сохраняются многие поэтические атрибуты, но — главным образом — по всему своему строю, образному и стилистическому... Дело еще вот в чем. В современной русской поэзии в последние годы как раз возобладали сильнейшая бытовая струя... И вот встретились грузинский стих — высокий и даже торжественный — и стих русский, разговорный и очень живой» (Чужое вмиг почувствовать своим. Литературная газета. N9, 1963).

Автор монографии о творчестве Евушенко Евгений Сидоров, тем не менее, считает, что «романтический грузинский стих близок мироощущению Евгения Евушенко. В переводах как бы возрождается, продлевает жизнь важное свойство его натуры, с годами нередко уходящее из собственного творчества. В переводах он «возвращается» к идеальному в себе» (Евгений Евушенко: личность и творчество. М., 1987).

И это неудивительно, ведь для Евушенко Грузия — это Эллада Кавказа. «В ее лучших классических поэтах всегда сочетались пантеизм и революционность. Под революционностью я разумею не только прямую политическую преемственность..., но, прежде всего, внутреннюю невозможность примириться с любой формой унижения человека человеком» («Слово о грузинской поэзии»).

Свое переводческое кредо Евушенко четко и определенно выразил

в известном стихотворении «О переводах». Оно стало ответом на обвинения в «вольничаньи»:

Не страшен вольный перевод,
Ничто не вольность, если любишь,
Но если музыку погубишь,
Все мысли это преврет.

Поэт стремился убедить оппонентов в том, что законы поэтического перевода отличаются от законов перевода прозаического и что даже самый скрупулезный перевод всегда в какой-то степени вольный.

О том, как Евушенко работает над переводами, писал Амиран Абшилава: «Зачастую поэт прибегает к свободному переводу, но выполняет его так, что оригинал не теряет смысла, музыкальности и «творческой точности». При переводе поэт не довольствуется только подстрочником. Он просит поэтов читать стихотворение на грузинском языке, усваивает ритм, их музыкальное звучание».

О мастерстве переводчика Евушенко размышлял всегда. Так, в эссе о друге-поэте Отаре Чиладзе он пишет: «Поэзия — это всегда перевод с темного, запутанного, сбивчивого подстрочника собственной души, и в этом смысле любой поэт — переводчик. Абсолютно точный перевод языка души на язык слов столь же невозможен, как и опасен слишком вольный перевод — он чреват тем, что от первозданности души ничего не останется» (Осязание слухом: // Зеленая калитка. Тб., 1995).

В своей переводческой практике поэт стремился к использованию ресурсов и возможностей родного языка. Пожалуй, его основной творческий (переводческий) принцип — переводить, оставаясь самим собой, верным своему стилю, художе-

ственной манере. Евгений Сидоров отмечал, что, «читая переводы Евушенко, сразу узнаешь его стиховую манеру и чувствуешь, что от оригинала они бывают весьма далековаты. Евгений Евушенко перестал бы быть самим собой, если бы «умер», растворился в переводимом авторе».

Тот же Владимир Огнев, ратуящий за верность духу оригинала, автор критического отзыва на первый сборник переводов Е. Евушенко «Лук и лира», пишет: «Не погубил Евушенко-переводчик музыки. Стихи грузинских поэтов звучат как высокая русская поэзия. И в то же время в большинстве из них сохранена своеобразная «музыка» грузинской поэзии — ее интонационная основа, изящество, артистизм, красочность описаний. Мне кажется, переводчику во многом удалось передать индивидуальное различие грузинских поэтов. Стих Евушенко классический чеканен и «крупен», когда он передает трагическую медь Важа Пшавела. В переводах из Симона Чиковани переводчик сохранил спокойную уравновешенность формы, острое сухое перо этого замечательного мастера, с его удивительной разработкой деталей сюжета... Большую трудность для перевода представляла тончайшая образная нить лирики Георгия Леонидзе, с ее едва уловимой музыкальной «гаммой» переходов, настроения, картин природы и в то же время отчетливой, нетуманной формы стиха. Это сочетание «невесомости» образов с убедительной «материальностью» их жизненного наполнения...».

Чаще всего Евушенко получает от грузинской поэзии импульсы, способствующие его самораскрытию, самопознанию, воскрешающие его собственный эмоциональный опыт.

Сравним стихотворный текст (подстрочник) Тамаза Чиладзе «Снег» и его перевод под названием «Снег падает». Евушенко, по сути, переводит только три последние строфы стихотворения — 3, 4 и 5, дописывает еще две и становится фактически соавтором Тамаза Чиладзе.

Сравним подстрочник пятой, последней строфы стихотворения Чиладзе и ее перевод:

В оригинале:

Твой голос холодный и далекий,
Как молчание брошенного дома,
И как снег, твой голос пронизан
Строгим молчанием тщеты

В переводе:

Голос твой холоден
и далек,
как тишина
заброшенной комнаты

(Здесь и ниже подстрочники стихотворений из сборника стихов Т. Чиладзе — თ. ჭილაძე, ლექსები, თბილისი, 1988, и переводы Е. Евушенко из сборника «Тяжелее земли»)

В следующих двух строфах происходит наращивание смыслов, развитие образа возлюбленной — от переводчика:

Это не ты.
Мне не знакома ты.
Образ иной
Я в сердце берег.

Губы другие
Мне губы жгли
у моря гудящего
в памятном августе.
Ненстоящую
видеть мне тягостно.
Ты — настоящая —
там, вдали.

Предлагая свою трактовку стихотворения Тамаза Чиладзе «Хмурят лбы циферблаты», Евушенко использует новые тропы — метафоры, эпитеты, сравнения, наращивает, дополняет образную структуру. Таким образом, оригинал рождает у переводчика живой отклик — какие-то ассоциации, пробуждает эмоциональную память, в результате возникает новый, неожиданный ракурс отражения реальности.

В оригинале:

Хмурят лбы циферблаты,
Дни бегут за днями,
На крыше сидят кошки
И осенние леса тумана.

В переводе:

Хмурят лбы циферблаты...
Всюду кошек зрачки
возникают из ночи
пугающе странно,
и на крышах, как кошки,
тумана клочки,
а на улицах кошки —
клочками тумана.

В переводе по-другому трактуются некоторые образы оригинала, переводчик использует слова, которые кажутся неуместными в поэтической стилистике Тамаза Чиладзе, но характерны для творчества самого Евтушенко.

В оригинале:

Потихоньку светает, и небо становится шире,
Но в мутных облаках оно все равно голубое,
В Куру упали тяжелые мосты
и спрятались под мышки.

В переводе:

Старый мост —
он такой шалопай и прохвост,
что похож поведением
на мальчишку.
Он напал на Куру,
старый вор — старый мост
и засунул ее
небрежно под мышку.

Новые лексика, тропы меняют минорную тональность оригинала на мажорную, в переводе появляются какая-то неожиданная легкость, игривость, озорство.

Если условно делить переводы Евтушенко на «свои» и «не свои», «любимые» и «нелюбимые», то среди «любимых», несомненно, Мухран Мачавариани с его уитменовским мироощущением.

В переводах его поэзии Евтушенко тоже предстает в качестве соавтора. Так, в его версии стихотворения «Я выхожу из дому...» мы вновь находим евтушенковское наращивание образа.

В оригинале:

Я выхожу,
Конец дня, —
Исполняется шесть часов.
По широкой улице
Обыкновенно, обыденно движется народ...
Щедро падает снег,
Воробей стонет, охает...

В переводе:

Я выхожу из дому.
Исполняется
шесть часов
По переулку пушистому
иду вдоль белых кустов.
Здравствуй, мое удивление!

(Здесь и ниже подстрочники стихотворений из сборника М. Мачавариани — მ. მაჭავარიანი, ლექსები, თბილისი, 1987, и переводы Е. Евтушенко из сборника «Тяжелее земли»)

Мысль, лаконично выраженная в предложении «щедро падает снег», находит иное, образное оформление в пейзажной зарисовке: если щедро падает снег, значит, «переулок» стал «пушистым», а «кусты» — «белыми». В то же время рождается новый ракурс восприятия реальности, подсказанный автором. В стихотворении Мухрана Мачавариани встреча с любимой преобразует окружающий мир настолько, что для лирического героя в разгар зимы неожиданно наступает весна. Таким образом, «пушистый переулок» и «белые кусты» в переводе Евтушенко можно воспринять и как цветущие деревья... А в радостном восклицании героя, любующегося своей избранницей: «Здравствуй, мое удивление!» — выражен восторг от встречи с невероятным и прекрасным.

Евтушенко в своем переводе «Ткемали белые» изумительно передает настроение стихотворения Мухрана Мачавариани. Переводчик поэтизирует окружающую героя природу, словно принимая условия творческой игры автора — перевоплощаясь в лирического героя, наполняясь его мыслями и чувствами. Собственный эмоциональный опыт помогает Евтушенко воссоздать картину весны, когда пышно цветут деревья. Будто слова песни (используются лексические повторы, звукозапись), звучат стихи: «Ткемали белые, ткемали белые, вы обступаете все тесней, Тени деревьев зыбкие, беглые, тени деревьев и тени теней!...». Доярка, названная Мачавариани «полнокровной» (так сказать, «кровь с молоком»), у Евтушенко превращается в кокетку, «лукаво смотрящую из-под платка». Обострены запахи — «тянет остро бараниной». Картину весеннего цветения дополняют дети, бегущие из лавочки с булками. «Все это, словно к чему-то пролог!» — считает переводчик, вместе с автором переживающий необыкновенный душевный подъем. Настойчиво повторяет Евтушенко эпитет «белые», усиливающий весеннее, светлое, солнечное настроение: «белые ткемали», «белое бульканье», «белые булки», «белый платок».

В данном случае «вольничанье» Евтушенко приняло форму плодотворного эмоционального диалога автора и переводчика.

Точен поэт — и музыкально, и «смыслово» — в переводе «Монолога Иуды» Михаила Квливидзе: русский вариант звучит «по-квливидзевски».

В оригинале:

Молчали мы, молчанье утомило душу.
Истекал срок,
и закричал один раз петух,
И этот крик напоминал выстрел.
Потом налетел свежий ветер,
разорвал парчу черных облаков.
Уже во второй раз закричал петух,
а предателя все нет и нет!
Неужели обманулся, ошибся учитель,
Мудрец, пророк, духовный пастырь?
Мгновенно падет в прах святыня,
если не сбудется сказанное Им.
Не поможет погубленной надежде
никакая молитва.
Умрет Господь, если кто-нибудь
из нас не совершит предательства...

В переводе:

Молчали мы
и горные вершины.
Срок иссякал.
Сквозь тучи свет проник.
И первый крик раздался петушиный,
как совести моей предсмертный крик.
Швырялся ветер
тучами, как пеной,
так, что разверзлось небо, накреньясь,
и крик второй
раздался над вселенной,
но не было предателя меж нас.
Так неужели ты ошибся, пастырь,
учитель, ясновидец и пророк?
Святыня рухнет, разобьется насмерть,
когда слова не сбудутся в свой срок.
Предательство без низкого расчета
возможно ли?

Ответа Бог не даст.
Но Бог умрет навеки,
если кто-то
по предсказанью —
Бога не предаст.

(Подстрочник стихотворения из сборника М. Квливидзе — მ. კვლივიძე, «კაცი, რომელიც დააკლდა ქალაქს», თბილისი, 2004, и перевод Е. Евтушенко из сборника «Зеленая калитка»)

Евтушенко дописывает пейзажную зарисовку, делает ее ярче, образнее (молчали мы и горные вершины; сквозь тучи свет проник; швырялся ветер тучами как пеной, так, что разверзлось небо, накренься). Во второй раз петух у Евтушенко не просто закричал — «и крик второй раздался над вселенной!». В переводе выражена мысль, которой не было в оригинале: «Предательство без низкого расчета возможно ли? Ответа Бог не даст!» Тут Евтушенко вновь становится соавтором Квливидзе, мыслит и чувствует в унисон с автором, вступает с ним в диалог, размышляя на тему предательства, его природы вместе с грузинским поэтом.

Свое мастерство Евтушенко продемонстрировал не только в переводах грузинских поэтов-современников, но и в переложениях классиков — отдельных стихотворений Акакия Церетели, Важа Пшавела, Ильи Чавчавадзе, Николая Бараташвили, а также одной из глав «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели. Известно несколько переводов поэмы на русский язык, среди авторов — такие замечательные поэты, как Константин Бальмонт, Николай Заболоцкий. Евтушенко перевел часть поэмы — «Завещание Автандила», и, как всегда, его работа вызвала неоднозначные оценки и споры.

Г. Маргвелашвили отмечал истинно поэтическую доблесть, с которой Евтушенко «отбросил все предрассудки относительно обязательного воссоздания в переводе чисто формальных признаков поэтики поэмы, отказавшись и от хореического дубляжа руставелиевского шайри, и от четырехкратной рифмовки, в равное мере сковывающих при «трансплантации» естественное звучание русского стиха, а, значит, и музыку духа Руставели. Евтушенко добился удивительно живого, энергичного, экспрессивного, мудрого и человеческого, со всей пронзительностью лиризма и мощью эпики, истинно прекрасного, то есть родственного руставелиевскому, звучания и движения, дыхания и кровообращения этих строф, этой главы «Витязя в тигровой шкуре».

Более критичной была оценка Р. Чилачава, нашедшего в переводе неточности: «Вопреки провозглашенной переводчиком декларации, в данном случае, получился «просто перевод», а не стихи... Дело не только в текстовых отклонениях. От них, к сожалению, не застрахован ни один переводчик... Речь идет о том, что отрывок в целом выполнен в манере, чуждой оригиналу» (Эта чудная закавказская Илиада. Литературная Грузия. №2, 1984). По мнению Р. Чилачава, стих Руставели получился тяжеловесным, строка растянулась, исчез шайри.

В своем ответе на критические отзывы, опубликованном в «Литературной газете» под названием «Точные неточности», Э. Елигулашвили отметил точность перевода Евгения Александровича. «Евтушенко, в свое время провозгласивший «Не страшен вольный перевод» — продемонстрировал здесь завидную верность подстрочнику, может быть, даже большую, чем его предшественники — скажем, те же К. Бальмонт и Ш. Нуцубидзе». При этом «переводчик решительно отказывается от архаизации лексики и поэтики: шайри оригинала он заменяет балладными ритмическими фигурами, облегчает сверхдлинную для современного слуха строку внутренней цензурой» (Точные неточности. Литературная газета. 12 июля, 1978).

Елигулашвили обратил внимание на то, что, переводя Руставели, Евтушенко создает афористические формулы, которых нет у великого поэта, однако они настолько близки духу оригинала, что воспринимаются как руставелиевские: «Ложь и двуличие вредны для тела, но больше всего для души», «Бросить любимого друга — мудрость, достойная лишь подлеца», «Слова, вошедшие в разум, бессильны, — всеильны вошедшие в кровь». «Эти строки звучат столь по-руставелиевски афористично, что никто не отметил бы их несоответствия оригиналу. Хотя именно этих афоризмов в оригинале нет. Они появились лишь в переводе — «как своего рода «концентрация» текста при переводе».

В интервью автору этих строк, спустя шесть десятилетий после переводческого дебюта, Евгений Евтушенко вновь сформулировал свое творческое кредо: «Конечно, идеал — это перевод точный музыкально и смыслово. Но стихотворение переводимое должно вторично родиться на другом языке. Фантазию можно и нужно прощать — в переводах страшно допустить тошнотворно скучную точность. Гениальный пример точного и блистательного перевода — это лермонтовское: «Горные вершины» или перевод петербурженкой Оношкевич-Яцун киплинговского «Марша», где слово «бутс, бутс, бутс» легко превратилось в «пыль, пыль, пыль».

Диалог Евтушенко с грузинскими поэтами, грузинской культурой, Грузией принимает самые разнообразные формы, в том числе — прямые, непосредственные. Так, Евгений Александрович ведет диалог с Отаром Чиладзе. И тема беседы двух мэтров литературы весьма значительна: Владимир Маяковский, сущность и назна-

В храме Гелати

чение поэзии, писательства. И вновь Е. Евтушенко говорит о «таинственных, глубинных взаимосвязях между грузинской и русской поэзией» (Поэзия мозолистые руки. Диалог. Евгений Евтушенко — Отар Чиладзе: // Зеленая калитка. М., 1995).

«МНЕ СТРАШНО В ЖИЗНИ ГРУЗИИ ЛИШИТЬСЯ...»

Участие Евгения Евтушенко в жизни Грузии, грузинского народа никогда не ограничивалось только его творческой работой или дружескими контактами.

Так, уже весной 1958 года он участник Декады литературы и искусства Грузии в Москве.

Из хроники событий 1966 года: «В ходе подготовки к очередному съезду

писателей Грузии заметно активизировали свою работу секции нашей писательской организации. Так, последнее заседание русской секции было посвящено обсуждению произведений русских писателей, живущих в Грузии. В обсуждении наряду с членами нашей писательской организации активное участие приняла группа московских писателей, возглавляемая А. Турковым. На заседании секции выступили А. Гладилин, С. Куняев, Е. Еvtушенко, И. Тумашевский, А. Турков» (Хроника. Литературная Грузия. N3, 1966).

В том же году Грузия отмечала 800-летний юбилей автора «Витязя в тигровой шкуре». В торжествах по этому случаю принял участие и Евгений Еvtушенко. Об этом вспоминает лауреат Нобелевской премии польская поэтесса Вислава Шимборская:

«Тогда же я познакомилась с Евгением Еvtушенко. Было это в Тбили-

си, на юбилей Шота Руставели. На это торжество пригласили многих выдающихся зарубежных поэтов, но звездой первой величины оказался Еvtушенко. Он читал свои стихи с пафосом, с мимикой, сильно жестикующий, чем привел публику в восторг. Настоящий шоумен. Кое-кто из приезжих пытался подражать его манере, что меня ужасно смешило, так как у западно-европейских поэтов это получалось комично и рискованно. Я устояла перед искушением имитировать Еvtушенко, моей поэзии явно противопоставлена декламация в повелительном наклонении. А Еvtушенко умел это делать!» (Нетрудно быть пророком. Новая Польша. N2, 2002. www.novopol.ru/index.php?id=180-31k).

А Еvtушенко рассказывает об этом юбилее так: «В 1966 году Ираклий (поэт Ираклий Абашидзе – И.Б.) стал главным и сценаристом, и режиссером (...) самого, может быть, красивого праздника поэзии, который я видел на своем веку, – 800-летия Руставели. На него собрались и самые лучшие писатели из всех советских республик, и зарубежные гости, среди которых был мой близкий друг – австралийский классик Джеффи Даттон. Никогда не забуду слез его восхищения красотой грузинской природы, когда после симпозиума в Боржоми мы поехали в Вардзию, где стояла над пенящейся Курой, и, как черные глазницы истории, за нами наблюдали пещеры монахов, и нам казалось, что где-то рядом по-прежнему бегают босоногой девчонкой будущая царица Тамара, крича: «Я здесь!» По старинной легенде именно поэту место и прозвали «Вардзия» (Недописанная книга жизни: // Ираклий Абашидзе. Колокол из тридцатых годов. М., 2005).

Еще один знаменательный приезд Еvtушенко в Грузию связан со

150-летним юбилеем поэта Николоза Бараташвили, на который он был приглашен по настоянию Ираклия Абашидзе, несмотря на противодействие бюрократов из Союза писателей Грузии, потому что незадолго до этого, вспоминает Еvtушенко, он протестовал против ввода танков в Прагу. В те осенние дни 1968 года во всех тбилисских домах и ресторанах поэт читал свои протестные стихи «Танки идут по Праге».

«Разумеется, кто-то донес – кажется, некто из московских гостей, – рассказывает Евгений Еvtушенко в «Недописанной книге жизни». – Он утверждал в разговоре с Ираклием и Дэви Стура, секретарем ЦК компартии Грузии по идеологии, что я собираюсь читать на вечере в оперном театре именно эти стихи, чтобы устроить политический скандал. Стура мне сказал, что Ираклий так выразился по этому поводу: «Я хорошо знаю Женю, и он никогда не подведет своих друзей, которые его пригласили. Он поделился этими стихами с друзьями, искренне высказался – и это его право. Кстати, думаю, что мы еще увидим эти стихи напечатанными. Но у него есть врожденный такт и деликатность, чтобы не читать эти же стихи на общем вечере».

А в октябре 1981 года Еvtушенко был на традиционном народном празднике, посвященном поэзии Галактиона Табидзе. «В селе Чхвиши Ванского района, на родине великого поэта, собрались тысячи почитателей его творчества, приехавшие из соседних районов, из Тбилиси, Абхазии, Аджарии, Южной Осетии. Когда начался поэтический митинг, пошел проливной, по-осеннему холодный и затяжной дождь. Но люди не расходились, слушая под открытым небом поэтов, артистов, музыкантов. В этот

день Евгений Еvtушенко был удостоен премии Галактиона Табидзе, учрежденной хозяевами праздника. Это была первая его отечественная премия за тридцать лет работы в советской поэзии» (Е. Сидоров).

...1982-й год. В Ленинградском дворце молодежи состоялись вечера грузинской поэзии. В город на Неве приехали известные грузинские поэты Карло Каладзе, Лия Стура, Морис Поцхишвили, Реваз Амашукели, Гиви Гегечкори, Энвер Нижарадзе, Хута Гагуа, литературный критик Гурам Гвердцители. Ведущим на всех вечерах был председатель Совета по грузинской литературе при Союзе писателей СССР, поэт Евгений Еvtушенко. Он рассказал о дружбе русских и грузинских поэтов, особо отметил огромное значение переводческой деятельности Бориса Пастернака, Николая Заболоцкого, Павла Антокольского, Николая Тихонова, Александра Межирова, Беллы Ахмадулиной, Андрея Вознесенского, много сделавших для популяризации грузинской поэзии, открывших русскому читателю красоту грузинского стиха.

В том же 82-м в Гульрипши Еvtушенко отмечает свой 50-летний юбилей.

Поэт трепетно относился к грузинской культуре, истории, довольно часто приезжал к своим друзьям-поэтам, в любимые места. Однако эта любовь никогда не была слепа. Исаак Трабский рассказал в своих воспоминаниях одну поучительную историю: «Мне запомнился жаркий июльский день 1983 года, приезд Еvtушенко в Грузию на ежегодно проводимые тогда Всесоюзные дни Владимира Маяковского. Евгений Александрович прилетел в качестве председателя жюри поэтического конкурса имени Маяковского вместе с женой. С тра-

па самолета гости сразу направились осматривать памятник зодчества Западной Грузии XI века – храм Баграта, расположенный в самом центре Кутаиси, на горе Укимериони. Известного московского поэта сопровождала свита городских партчиновников. Не все они могли похвастать своим «великим русским», и мне, русскоязычному журналисту, предложили выполнить роль экскурсовода. От автомобильной стоянки до храма нужно было преодолеть крутой подъем. Стояла влажная жара, нещадно палило солнце. На плече у Евтушенко висела тяжелая сумка с фотокиноаппаратурой, он был бледен, по лицу градом катился пот. Мы умоляли его хоть ненадолго отдать сумку, чтобы облегчить трудный подъем, но поэт был непреклонен и донес сумку на самую вершину горы. Печальное зрелище предстало перед нами. От старинного великолепия остались только стены главного здания; на полу, на остатках древней мозаики валялись камни, упавшие со стен. «Я был здесь еще в молодости, – почти кричал не скрывающий своего возмущения поэт, – но и сейчас храм продолжает разрушаться. Вы, – обратился он к ожившим от частых застолий хозяевам города, – так много говорите о любви к своей древнейшей национальной культуре. Почему же эта святыня Грузии продолжает быть в таком ужасном состоянии?» – «Знаете ли, дорогой Евгений Александрович, – пытались оправдаться они, – у нас часто дуют сильные ветры и льют проливные дожди, которые продолжают разрушать стены» – «Неправда, – резко оборвал поэт, – на этой мозаике лежат камни, которые не успели увезти начальники на строительство их особняков...» Таким резким и непримиримым к несправедливости и невежеству Евту-

шенко мне запомнился».

Думается, в данном случае Евгений Евтушенко руководствовался, как и в поэзии, не только «эстетическим принципом защиты красоты» (В.Огнев). Рассказанная И. Трабским история – очередное свидетельство того, что понятия «чужая» культура для Евтушенко не существует, что грузинское культурное наследие воспринимается поэтом как свое, родное, как неотъемлемая часть его души.

Свое особое отношение к Грузии он стремится запечатлеть не только в слове, но и в кадре. В 1980 году в тбилисском Доме художника с большим успехом прошла фотовыставка Евтушенко, организованная по инициативе Союза художников и Союза писателей Грузии. Как отмечала «Литературная Грузия», в своих фотографиях Евтушенко отражает поэзию человеческой души, психологию, характер человека, пейзаж. В экспозиции были представлены работы, посвященные Грузии, – «Первые фиалки в Тбилиси», «Глаза матери», «Красота старости», суровые уголки Сванети. На открытии выставки поэт приветствовал цвет грузинской творческой интеллигенции: писатели Ираклий Абашидзе, Нодар Думбадзе, Чабуа Амирэджоби, Георгий Цицишвили, художник Дмитрий Эристави (Эристави Д. Снимает Евгений Евтушенко. Литературная Грузия. №10, 1980).

Принимая близко к сердцу все, что имеет отношение к «кавказской Эллад», Евтушенко не мог не отозваться и на трагедию 9 Апреля. В своем эмоциональном письме Союзу писателей Грузии он написал: «Грузия всегда была второй колыбелью русской поэзии. У нас в эти дни грузинского национального траура такое чувство, как будто веревку этой колыбели подсекли саперной лопаткой, а по са-

Евгений Евтушенко на ИнгурГЭС

мой колыбели проехали танковыми гусеницами, забрызгали ее сначала химическим ядом, а потом кровью невинных. Кровь народа – негодный строительный материал для здания дружбы народов...» (Письмо Союзу писателей Грузии: // Зеленая калитка. Тб., 1990).

С таким же негодованием (смотри главу 2) поэт отреагировал и на рассказ Виктора Астафьева «Ловля пескарей в Грузии» (1986 г.), где автор «допустил национальную бестактность по отношению к грузинскому народу». Статья Евтушенко так и называлась – «О национальном такте».

До политических катаклизмов новейших времен Евгений Александрович часто приезжал в Грузию, подолгу жил и творил на своей даче в Гульрипи, общался с грузинскими и абхазскими друзьями. «Там осталось у меня много верных друзей – поэтов и писателей, – сказал Евтушенко в одном из интервью. – К сожалению, некоторых уже нет. Одни погибли в

бессмысленной грузино-абхазской войне, другие – от нищеты и невзгод. Националистический угар, порожденный в конце 80-х годов президентом Звиадом Гамсахурдиа, на десятки лет расколол целостность этой прекрасной страны, породил междоусобицу, разруху и нищету» (И. Трабский).

Из интервью: «Я люблю и абхазов, и грузин – и те, и другие для меня братья. Я переводил и абхазских, и грузинских поэтов. И у меня и там, и там друзья. И когда они начали убивать друг друга, для меня это была просто страшная внутренняя боль».

После долгого молчания поэт вновь откликнулся на проблемы, переживаемые Грузией, на затянувшийся глубокий кризис в российско-грузинских отношениях в связи с запретом ввоза в Россию грузинских вин и «Боржоми». Со страниц российских «Новых известий» в конце 2006 года Евтушенко обратился к президенту России Владимиру Путину с такими словами: «Дорогой Владимир Влади-

мирович! Поздравляю Вас с Новым годом, желаю вам от души плодотворной работы на благо нашей Родины и, помня то, как Вы не оставили без внимания мое обращение к Вам по поводу Байкала, напечатанное в «Новых Известиях» 4 апреля 2006 года, посылаю Вам новое стихотворение.

С уважением

Евгений Евтушенко,
лауреат Государственной премии СССР, председатель комиссии по грузинской литературе Союза писателей СССР».

За этим обращением последовало стихотворение «Боржоми»:

Неужели «Нельзя!»
нам отменит все бывшие «льзя»,
как забил кто-то дверь
в ресторане грузинском «Лоза»?
Грибоедов и Пушкин
неужто и впрямь наяву
нам забьют дверь в Тбилиси,
грузинам — в Москву?

«Боржоми» было переведено на грузинский язык поэтом Александром Дарчиашвили и опубликовано вместе с оригиналом в газете «24 саати» за 16 января 2007 года. Стихотворению предшествует обращение к читателям Зураба Абашидзе и Сандро Нонешвили под названием «Ностальгия». В нем, в частности, говорится: «Евгений Евтушенко — лидер современной русской поэзии и всеми признанный мэтр. Долгие годы его связывала дружба с грузинскими поэтами, среди них — Ираклий Абашидзе и Иосиф Нонешвили. После войны поэт предоставил собственную московскую квартиру грузинской семье беженцев из Абхазии, которая и сейчас там проживает. Новое стихотворение Евтушенко можно считать откликом русской интеллигенции на драмати-

ческие события русско-грузинских отношений. Стихотворение — это не только поэтическое явление, но и, на наш взгляд, пример гражданского сознания. Важно, что Евтушенко это стихотворение послал лично Президенту В. Путину.

Этот очередной шаг поэта ясно показывает, что современная Россия принадлежит не только политикам-временщикам. Мы хотим, чтобы это в первую очередь увидела молодежь Грузии, которая, к сожалению, последние пятнадцать лет слышит только голоса этих «политиков».

Так оценили новое «грузинское» стихотворение Евгения Евтушенко представители интеллигенции страны.

«Боржоми» очень характерно для творчества Евгения Евтушенко — своей сюжетностью, заостренностью мысли, пафосностью, публицистической риторикой. Мы видим конкретную ситуацию, которая становится импульсом для политического высказывания, публицистической лирики автора. Параллелизмы, риторические вопросы, корневая рифма, грузинская лексика — генацвале, «Тбилисо», появление образов грузин — Чабуа Амирэджиби, Булата Окуджава — все это узнаваемо, знакомо по другим поэтическим текстам мастера. И еще — ностальгия о разрушенном единстве, об утраченном между народами бывшего Союза связях. Не о союзном государстве как таковом ностальгирует Евтушенко — ему важнее всего человеческие отношения, «живой неподдельный союз неподдельных народов».

Пять лет назад — в 2012 году — на страницах тбилисского журнала «Русский клуб» было опубликовано письмо Евтушенко, адресованное Зурабу Абашидзе, — со стихотворением, посвященным Борису Гассу.

Евгений Евтушенко в музее «Яд ва-Шем»

«Дорогой Зураб, — пишет Евтушенко. — Покажи это стихотворение нашим общим друзьям из грузинской церкви. Я думаю, что они правильно это поймут — я уверен, что церковь должна играть роль главного примирителя, когда амбиции политиков мешают договориться. Религия как медицина души должна играть все-спасительную роль, а если бы все религии об этом договорились, то и войн бы не было. Я был идеалистом и останусь таким, потому что буду защищать именно общечеловеческие идеалы, а не насильственные идеологии, когда шаг вправо, шаг влево, а уж вперед тем более, считается почему-то антипатриотизмом именно теми людьми, кто столько вреда приносит тупой упертостью прежде всего своим нациям, а заодно и всем остальным нациям. Евгений Евтушенко».

А стихи — это крик души! Они пронызаны болью и страхом потерять

Грузию, грузинских друзей, ностальгией о прошлом, когда сложилась казавшаяся нерушимой дружба между грузинскими и русскими поэтами, сожалением по поводу распада связей между «близкими по устремлениям» людьми. Для него это личная драма, глубокое переживание.

Мне страшно в жизни

Грузии лишиться.

Я буду помнить до скончания дней
Ее посла — Зураба Абашидзе
На похоронах матери моей.
Тбилиси — рядом,

да вот не добраться.

Вчера Котэ приснился мне во сне.
Во мне еще живут Ладос, Думбадзе,
И все могилы Грузии во мне.

Единственное, в чем видит поэт надежду на восстановление «магических мостов» — отношений между народами в эпоху, когда «распалась

связь времен», — это вера.

«Лишь христианство и спасет нам честь», — считает поэт.

...Буквально за несколько месяцев до кончины, в преддверии своего 85-летия, Евгений Александрович вновь стал думать о приезде в Грузию (он хотел отметить в Тбилиси и свое 80-летие, но болезнь помешала осуществить желание). В письме Зурабу Абашидзе — оно датировано 27 января 2017 года — поэт написал: «Дорогой Зураб! Приятно, что в грузинских соцсетях еще бродят мои стихи. Я продолжаю очень тосковать по Грузии. У меня проблемы со здоровьем. Не хочу углубляться. Пока еще не все до конца выяснено. Тем не менее, друзья поэзии в России хотят отметить как-то мое 85-летие этим летом по факту — хотя в паспорте стоит дата рождения 1933 год, на самом деле я родился в 1932-м 18 июля. Но в России мне трудно планировать, тем более, что это связано и со здоровьем. Однако если есть возможность побывать в Грузии, как ты думаешь, возможно ли будет приехать с Машей, хотя бы сугубо частным порядком, или это будет неуместно в данной обстановке? Действительна ли твоя виза, выданная мне на 50 лет?»

К этому тексту было приложено гениальное стихотворение-молитва «Дай Бог!» (1990) — очень русская поэзия, в которой остро поставлена проблема совести и ответственности, веры и безверия. Поэт молит: «Дай Бог слепцам глаза вернуть и спины выпрямить горбатым» и выражает уверенность в том, что только в вере — спасение: «Не крест — бескрестье мы несем, а как сгибаемся убого. Чтоб не извериться во всем, Дай бог ну хоть немного Бога!»...

Тема, волновавшая Евгения Евтушенко и на пороге смерти... С этим он

и покинул бренный мир. С надеждой на прозрение слепцов. С верой в то, что «христианство спасет нам честь». Кстати, за два года до кончины поэт читал стихи в церкви иконы Иверской Богоматери под Тулой, в поселке Теплое...

ПРИЛОЖЕНИЕ

«МЕЖДУ НАШИМИ НАРОДАМИ ЕСТЬ САМОЕ ГЛАВНОЕ — ДУХОВ- НАЯ И КУЛЬТУРНАЯ СОВМЕСТИ- МОСТЬ»

(Интервью с поэтом. 2007 год).

— Евгений Александрович, могли бы вы сегодня повторить слова, сказанные когда-то: «Если б я не родился русским, то хотел бы родиться грузином»?

— Такие слова о Грузии я смогу повторить не только сейчас, но всегда. В любых обстоятельствах любовь к народу выше текущей политики — и к собственному, и к народу другой страны. Мои друзья подчитали, что я был в Тбилиси не менее ста раз. Такого у меня не было во взаимоотношениях ни с одним городом в мире. Я люблю искусство грузинского народа, начиная с народных песен, с великого многоголосья, танцевального фольклора, великих актрис Наты Вачнадзе и Софики Чиаурели, поэзию от Руставели до Отара Чиладзе, великого Атоса грузинской прозы — Чабуа Амираздзидзе, улыбающегося из вечности Нодара Думбадзе, живопись Пиросмани, Гудиашвили, Какабадзе, музыку Канчели, полет Чабукиани, театр Роберта Стурца, драгоценную голову Мамардашвили, кино Тенгиза

Евгений Евтушенко в церкви иконы Иверской Богоматери под Тулой

Абуладзе, футбол Пайчадзе, Дзедже-лавы, Месхи, Кипиани, люблю хаши, кучмач, пхали, джонджоли, которым со мной всегда делился Булат Окуджава. Сам готовлю великолепно аджапсанда, тоскую по настоящему сырому грузинскому, воистину пушкинской легкости царскому вину, как говорил мой покойный друг, сухумский гений-винодел Гамисония. Ныне, увы, исчезнувшему золотисто-воздушному Чхавери, у которого привкус поцелуя любимой женщины. Что бы ни говорили об Эдуарде Шеварднадзе, я считаю его великой трагической фигурой истории двадцатого века — это во многом благодаря ему была поднята международная репутация Грузии, разрушена Берлинская стена — главная угроза миру посередине Европы. Благодаря ему был поставлен и выпу-

щен к зрителю бессмертный шедевр кинематографа «Покаяние». Грузины — всемирные чемпионы гостеприимства. Мой лучший друг — Джумбер Беташвили, зверски убитый во время кроваво-бессмысленной грузино-абхазской войны, был человеком, достойным памятника и в Тбилиси, и в Сухуми, за то, что столько и абхазцев, и грузин спас во время этого обоюдного затмения разума и совести.

— С чего началось ваше соприкосновение с грузинской поэзией, культурой — постижение ее Космопсихологоса, если использовать термин Георгия Гачева? Что стало для вас откровением?

— Космопсихологос — это слишком вычурно для меня, сибирского провинциала с маленькой сибирской станции Зима. Всегда есть тайна в

любви — к женщине, к народу. И секрет этой любви сразу упрощаешь объяснением. Оба наших народа, находясь в неестественной изоляции друг от друга, теряют очень многое. При всей разнице наших культур у нас есть самое главное — духовная и культурная совместимость.

— Действительно ли Грузия для вас — место, где вы слышали (и слышите) подлинную, нефальшивую ноту, где находили природность, духовность, нравственную чистоту, где чувствовали себя «свободным от пут и клевет»?

— Грузия зарядила меня на многие годы вперед ренессансным ощущением жизни, которое мне преподавали своей дружбой мои грузинские друзья. Я редкий долгожитель в поэзии — и это наверняка подарок Грузии. Но насчет того, что только Грузия была единственным местом, где я ловил чистую, нефальшивую ноту — это неправда. Не надо обижать все остальное человечество. В каждой стране — увы! — есть и фальшивые ноты, и, слава Богу, чистые. В России тоже. Но все-таки воплощением каждого народа являются его лучшие люди.

— Вам принадлежит множество «грузинских» переводов. Что вы более всего цените в грузинской поэзии?

— Это неправда, что я начал переводить грузинскую поэзию «не от хорошей жизни». Я начал переводить ее от обожания. Мы с Беллой Ахмадулиной приехали на наш медовый месяц именно в Грузию, потому что обожали ее — и природу, и обычаи, и поэзию. Вот когда последние пару раз я встречался в Тбилиси с одним поэтом и редактором нашего поколе-

ния, имя которого не хочу называть, потому что в отличие от него помню все хорошее, что было между нами, диву давался, почему он на меня так смотрит — мрачно, исподлобья, как на когда-то отобравшего у него свободу оккупанта. И это после лет сорока нашей дружбы, когда мы делили вместе и хлеб, и соль, и общее презрение к общему нашему врагу — цензуре и бюрократии? Это за то, что я любовно перевел целую книгу его стихов? Но, по-моему, это я, а не он защитил от партийных нападок Мухрана Мачавариани, когда его обвиняли в национализме, и, по-моему, это я вместе с Шеварднадзе пробивал сквозь цензуру «Покаяние» в Москве, где фильм упорно не хотели выпускать, и, по-моему, это я, а не он открыто выступал против наших танков в Праге и против войны в Афганистане, унесшей в Лету стальных совсем еще юных солдат — и русских, и грузин. И вдруг он меня стал обвинять в том, в чем я открыто, в отличие от него, обвинял сам.

Горько видеть, как легко забываются старые дружбы. Но я хочу верить в то, что традиционное братство грузинских и русских поэтов возродится, а через него — и наших народов.

— Почему вы сравнительно много переводили грузинских классиков и занимались в основном интерпретацией современных поэтов?

— Я перевел раза в четыре больше грузинских поэтов, чем Пастернак. Но мне приятно, что вам это кажется недостаточным.

— Часто приходится слышать, что переводить по подстрочнику нельзя — необходимо знание языка. Вы с этим согласны? Как вы сами ищете ключ к автору?

— Можно не знать языка, но все-таки очень полезно хотя бы послушать ритмику. Для перевода самое главное — это хорошо знать собственный язык, а не переводимый.

— Расскажите, если это возможно, о ваших отношениях с грузинскими поэтами.

— Хочу рассказать случай с Галактионом. Однажды он мне принес подстрочник нового стиха к 40-летию советизации Грузии. Я ему честно сказал, что он вообще это стихотворение никому не должен показывать — настолько оно плохое. Он тут же разорвал этот подстрочник на мелкие клочки. Через пару дней стихотворение вышло в «Заре Востока» в переводе Марка Максимова. Я встретил Галактиона и спросил: «Как же вы меня обманули!» Он подмигнул мне заговорщицки: «Когда я его разорвал, я же знал, что у меня в кармане копия». Какая трагедия раздвоенности, которая, как трещина, прошла и через сердце этого великого поэта, и бросила его на гроб мертвого друга из окна больницы.

Вспоминается история, связанная с Георгием Леонидзе. Он пригласил меня на свое шестидесятилетие. Это было во дворе его дома. Васо Годзишвили — народный артист Грузии — был назначен тамадой, я — его заместителем. Собралось человек сто под открытым небом во дворе дома Гоглы, как он себя разрешал звать.

Первое, что сделал Леонидзе, — объявил свое желание, чтобы все говорили по-русски в мою честь, хотя я был единственным негрузином. Никакого тут русского диктата не было. Все это диктовали Гогле вечные традиции грузинского уважения к гостю. Все подчинились, включая пятерых его земляков из Патардзеули, так

молча и просидевших за столом всю ночь. Я знал, что тост за Сталина, да еще в доме Гоглы, должен был быть произнесен. Васо, осушивший уже не один десяток рогов, взобрался на стул уже на рассвете и произнес следующий тост: «Я пью за эту материнскую землю, подарившую нам Руставели, Важа Пшавела и нашего дорогого Гоглу и среди других прославленных людей — Иосифа Сталина! Алаверды к тебе, дорогой Евгений!» Васо осушил очередной рог и предвкушающе поблескивал глазами — как теперь ты, Женя, вывернешься. Я тоже взобрался на стул, чтобы не ударить в грязь лицом, и произнес: «С удовольствием продолжая Ваш тост, дорогой Васо, я хотел бы только добавить к нему имена Михаила Джавахишвили, Паоло Яшвили и Тициана Табидзе, зверски замученных во время сталинского террора! Прошу почтить их память вставанием!» Все, естественно, поднялись и выпили стоя. «Молодец! Снял банк!» — шепнул мне на ухо Васо. А Леонидзе, улыбаясь, показал мне большой палец, да еще прикрыл его ладонью.

Самая запомнившаяся история из долгой дружбы с Симоном Чиковани. Звонок из аэропорта: «Женя, генацвале, я только что прилетел в Москву. На проработку, наверно. Я у нас в «Мнатоби» напечатал автобиографические заметки Бориса. И кто-то донес на меня! Как это могло произойти?» — «Симон Иванович, но ведь у вашего журнала тираж, кажется, под пятьдесят тысяч...» — «Так это же все-таки напечатано по-грузински. Как могли грузины меня предать?!» Поздно вечером он приехал ко мне немножко выпивший. «Где это вы, Симон Иваныч?» — «Как где? Все там же, в ЦК... Не исключили, но не работали. Особенно Поликарпов.

Правда, он сам и вопрос поставил, чтобы без занесения в личное дело. А потом к себе в кабинет пригласил, открыл сейф, а там водочка и бутербродики с колбаской копченой. А еще – патефон, ручкой заводящийся. Выпили, а затем он музыку поставил. Я, генацвале, прямо обомлел. Знаешь, кого он завел? Вертинского!!! У меня было такое чувство, как будто лектор-ханжа, только что читавший доклад о пользе вегетарианства, вдруг угощает тебя человеческим мясом – прямо из кастрюлечки, и заодно причмокивает, как Васисуалий Лоханкин...»

Знают ли сегодняшние молодые писатели Грузии, кто такой Вертинский и герой какой книги – Васисуалий Лоханкин?

– Российско-грузинские отношения переживают сложный период. Порой приходится слышать о неизбежности расставания двух близких народов.

– Если нормальные люди в России и Грузии не будут подчиняться преступно разъединительным тенденциям взаимоамбициозных грузинских и русских националюг, то и сама политика будет вынуждена измениться. Не надо поддаваться на провокации. Ничто так не подрывает престиж собственных наций, как агрессивный национализм.

– Почему вы сегодня сравнительно редко обращаетесь к грузинской тематике? Значит ли это, что Грузия перестала быть для Вас источником вдохновения?

– Лучше писать редко, но метко. Последнее мое стихотворение «Боржоми» было как нельзя вовремя. Я был тронут отношением моих давних друзей, Зураба Абашидзе, бывшего посла Грузии в России, который в

напряженнейшее время героически делал все, чтобы не дать испортиться русско-грузинским отношениям, а так же Автандилу Сакварелидзе, Сарикунонешвили и всем другим близким мне людям, которые помогли, чтобы стихотворение «Боржоми» было переведено и прозвучало по грузинскому телевидению. Самое трогательное, что какие-то незнакомые грузины во время моего отсутствия привезли на мою дачу после этого стихотворения несколько ящиков самого настоящего «Боржоми». Надеюсь встретить свой 75-летний юбилей в сдвоенный день рождения Маяковского и мой 19 июля 2007 года в Грузии. Если, конечно, меня пригласят. Я написал много плохих стихов, но, надеюсь, что много и хороших. Александр Межиров шуточно сказал однажды, что Евтушенко единственный поэт, у которого количество перешло в конце концов в качество. Когда я уйду, мне не стыдно будет взглянуть в глаза Пушкину, Лермонтову, Грибоедову, Маяковскому, Пастернаку, Есенину, которые так же, как я, любили Грузию.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
МАГИЧЕСКИЕ МОСТЫ.....	6
«ГАЛАКТИОНА ПОДЗЫВАЯ ЗНАКОМ, В ТБИЛИСИ ПУШКИН	
БРОДИТ С ПАСТЕРНАКОМ...»	16
«НИЧТО НЕ ВОЛЬНОСТЬ, ЕСЛИ ЛЮБИШЬ...»	51
«МНЕ СТРАШНО В ЖИЗНИ ГРУЗИИ ЛИШИТЬСЯ...»	59
ПРИЛОЖЕНИЕ	66

რუსულ-ქართული კულტურული ურთიერთობები ქვეყნარტად ისტორიული მოვლენაა, რომელსაც ანალოგი არ აქვს.

რუსეთსა და საქართველოს ურთიერთობები სათავეს მეათე საუკუნეში იღებს - უძველეს ქრონიკებში ნახსენებია საქართველო და თბილისი. 1491 წელს დამყარდა დიპლომატიური ურთიერთობები. პეტრე პირველის დროს მდინარე პრესნიაზე საფუძველი ჩაეყარა ქართულ დასახლებას (თავდაპირველად - „გრუზინი“, ახლა - ბოლშაია გრუზინსკაია). XVIII საუკუნის ბოლოდან, გეორგიევსკის ტრაქტატის დადების შემდეგ, 1783 წელს ორ ქვეყანას შორის განსაკუთრებით მჭიდრო და ინტენსიური ურთიერთობები დამყარდა.

საქართველო პასუხობდა მფარველობას დახმარებითა და მხარდაჭერით - მათ შორის კულტურული და სულიერით. ბევრმა რუსეთში დევნილმა დიდმა რუსმა საქართველოში თავშესაფარი მიიღო. ისინი აქ ყოველთვის პოულობდნენ თავისუფლებას, სამსახურს და თავყვანისცემას.

სერია „რუსები საქართველოში“ - რუსული ხელოვნების, რელიგიის, მეცნიერების, ლიტერატურის, სპორტის მოღვაწეების საქართველოში ყოფნის მდიდარი ისტორიის სისტემატური გაშუქების პირველი მცდელობაა, იმ გამოჩენილი ადამიანების, რომლებიც იმსახურებენ მაღლიერ ხსოვნას შთამომავლობისაგან.

სერია რუსეთ-საქართველოს ურთიერთობების ნამდვილი ენციკლოპედია იქნება.

პროექტის მიზანია ხელი შეუწყოს რუსეთის კულტურული მემკვიდრეობის პოპულარიზაციას, ააღორძინოს ინტერესი რუსეთის მიმართ საქართველოში და პირიქით, საზოგადოებრივი და კულტურული დიალოგის გაღრმავებას ორი მართლმადიდებელი მეზობელ ერს შორის.

Russian-Georgian cultural relations are truly a historical phenomenon that has no analogues.

Russia and Georgia are bound by eleven centuries of mutual intercourse. Starting of those relations dates back to the X century - Georgia and Tbilisi are mentioned in the ancient chronicles. In 1491 diplomatic relations were established. During Peter the Great's reign on the banks of the river Presnia was built Georgian settlement (colloquially - "Georgians", now - Bolshaya Gruzinskaya (Great Georgian). And at the end of the XVIII century, after signing of Georgievski Treaty in 1783, the relationship between two countries became particularly close and intense.

Georgia answered with help and support on this patronage. Many great Russians found shelter here - disgraced and persecuted in Russia, in Georgia they always found freedom, work and reverence.

A series "Russians in Georgia" is the first attempt of systematic coverage of the rich history of staying in Georgia outstanding Russian artists, religious leaders, scientists, writers, sportsman worthy grateful memory of descendants.

The series will be a real encyclopedia of Russian-Georgian relations.

The project aims promoting the Russian cultural heritage, the revival of interest to Russia in Georgia and to Georgia in Russia, intensifying social dialogue and cultural exchange of the two Orthodox neighbor nations.

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

При финансовой поддержке:
«Департамента внешнеэкономических и международных
связей города Москвы» и
«Правительства Москвы»

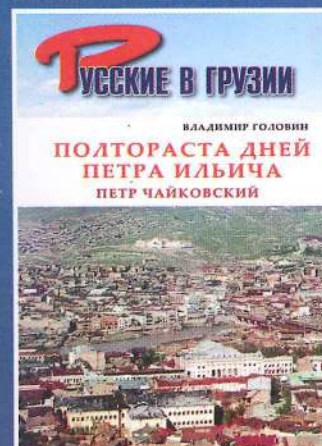
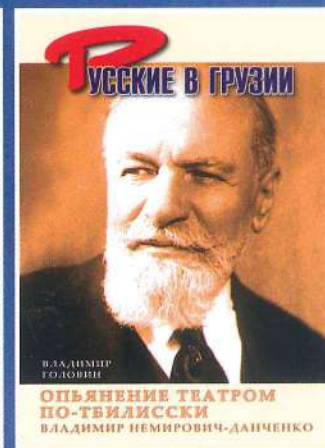
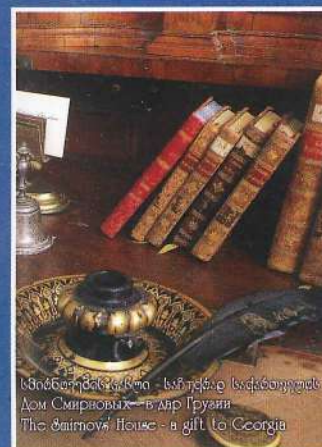
Руководитель проекта –
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ
заслуженный артист РФ

ИННА БЕЗИРГАНОВА
СЛЕД ЛЮБВИ
ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

Редактор
АЛЕКСАНДР СВАТИКОВ
Дизайн, компьютерное обеспечение
ДАВИД ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Над книгой работали
МАРИНА МАМАЦАШВИЛИ
ЕЛЕНА ГАЛАШЕВСКАЯ
ИМЕДА СИНАТАШВИЛИ

ИЗДАНИЯ «РУССКОГО КЛУБА»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

www.russianclub.ge rusculture@mail.ru